

ІОСИФЪ

МИТРОПОЛИТЪ ЛИТОВСКІЙ

И

ВОЗСЪЕДИНЕНІЕ УНИАТОВЪ

СЪ

ПРАВОСЛАВНОЮ ЦЕРКОВЬЮ

ВЪ 1839 ГОДУ.

Графа Д. А. Толстаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1869.

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія.

ПЕЧАТНЯ В. ГОЛОВИНА,
у Владимірской церкви, домъ № 15,
кварт. № 3.

ЮСИФЪ, МИТРОПОЛИТЪ ЛИТОВСКІЙ, И ВОЗСОЕДИНЕНІЕ УНІАТОВЪ СЪ ПРАВОСЛАВНОЮ ЦЕРКОВЬЮ ВЪ 1839 ГОДУ.

Митрополитъ Юсифъ (Сѣмашко), скончавшійся въ прошломъ году, завѣщалъ Академіи Наукъ свои записки и назначилъ пять тысячъ рублей на напечатаніе ихъ, а мнѣ, какъ оберъ-прокурору св. синода, оставилъ копіи съ этихъ записокъ.

По обширности приложеній къ этимъ запискамъ, составляющихъ пять объемистыхъ рукописныхъ томовъ, нельзя ожидать скорого появленія ихъ въ свѣтъ. Поэтому я полагаю, что читателямъ будетъ не безынтересно познакомиться, хотя въ бѣгломъ обзорѣ, съ личностію автора и съ главнымъ событіемъ его жизни, — возсоединеніемъ уніатовъ.

Къ этому побуждаюсь я и особо благопріятствовавшими мнѣ въ этомъ случаѣ обстоятельствами: во время службы моей, — въ прошлое царствованіе, — въ департаментѣ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, гдѣ до 1836 года сосредоточивалось управленіе греко-уніатскою церковью, я перечелъ всѣ находившіяся въ немъ дѣла по этому вѣроисповѣданію и сдѣлалъ изъ нихъ подробныя выписки. Все, касающееся царствованія императора Александра I, вошло въ составъ моего сочиненія „Le catholicisme romain en Russie“, напечатаннаго въ Парижѣ въ 1863 — 64 году; остальное же съ 1825 по 1836 годъ осталось у меня въ рукописи. Рукопись эта въ настоящее время имѣетъ особенную цѣнность, потому что дѣла департамента духовныхъ дѣлъ сгорѣли во время пожара зданія министерства внутреннихъ дѣлъ въ 1862 году, такъ что нѣкоторые остающіеся у меня важные документы сдѣлались едва ли не единственными. Съ другой стороны, настоящая служба моя въ св. синодѣ доставляетъ мнѣ полную возможность пользоваться всѣми его дѣлами, въ томъ числѣ и такими, которыя доселѣ считались секретными.

Все это, казалось мнѣ, налагаетъ на меня нравственную обязанность передъ публикою подѣлиться съ нею имѣющимися у меня свѣдѣніями о замѣчательнѣйшемъ событіи православной церкви въ царствованіе императора Николая: записки митрополита Іосифа значительно пополняются и объясняются официальными данными, изъ коихъ одни, какъ сказано, погибли въ своихъ подлинникахъ, другія же пока были недоступны для изслѣдователей. Вотъ почему, не смотря на крайній недостатокъ времени для ученыхъ трудовъ, я рѣшился лучше высказать весьма поверхностно мнѣ извѣстное, чѣмъ молчать и оставлять въ тайнѣ то, что должно составлять общее достояніе нашей исторической науки.

Записки митрополита Іосифа написаны были въ два раза: въ 1850 и 1861 году, и оканчиваются этимъ послѣднимъ годомъ. Въ 1850 году онъ пользовался цвѣтущимъ здоровьемъ; видѣвъ его въ Вильнѣ въ 1849 году, я изумлялся этому атлетическому тѣлосложенію, бодрости мысли, неустанной его дѣятельности. Оттого эта часть записокъ, доходящая до 1828 года, написана живо, интересно и даже иногда увлекательно. Совсѣмъ инымъ человѣкомъ былъ онъ въ 1861 году: тогда онъ былъ уже боленъ, руки его тряслись, и онъ съ трудомъ говорилъ, что продолжалось до самой его кончины. Понятно, что при такомъ физическомъ состояніи, ему было трудно продолжать писать свои записки; онъ, однако, это сдѣлалъ, весьма справедливо думая, что тѣмъ исполняетъ свой долгъ передъ потомствомъ. Но съ этого времени записки его теряютъ характеръ повѣствовательный и представляются болѣе перечнемъ бумагъ, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ, такъ что ихъ можно изучать, но читать трудно. Впрочемъ, и въ этомъ видѣ онѣ имѣютъ неоцѣненное достоинство, по важности заключающихся въ нихъ документовъ. Митрополитъ Іосифъ былъ прежде всего человѣкомъ порядка какъ въ частной своей жизни, такъ и въ іерархической своей службѣ: всѣ важнѣйшія бумаги сохранялъ у себя, велъ имъ перечень и оставилъ послѣ себя въ цѣлости. Главный интересъ его записокъ, начиная съ 1828 года, какъ и самъ онъ сознаетъ, — не въ самыхъ запискахъ, а въ приложеніяхъ къ нимъ.

Митрополитъ Іосифъ принадлежалъ къ священническому униатскому роду: дѣдъ, отецъ и четыре его дяди были униатскими священниками, а двѣ его тетки — замужемъ за униатскими же священниками, изъ чего, однако, вовсе не слѣдуетъ, что по самому рожденію своему, онъ былъ близокъ къ латинизму или полонизму. Унія, какъ

переходъ изъ православія въ римско-католичество, есть понятіе весьма относительное, измѣнявшееся сообразно съ временемъ, мѣстностію и обстоятельствами. Въ началѣ, какъ извѣстно, вся она заключалась въ одномъ признаніи папы за главу церкви, что для массы народа мало понятно, почти безразлично. Потомъ стали вводить въ нее римско-католическіе догматы, а наконецъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и обряды, искажать языкъ и богослуженіе, и т. д. Но все это дѣлалось не столько общими мѣрами, сколько частными изувѣрными дѣйствіями іезуитской партіи и вліятельными тогда польскими панами изподтишка, по немногу, такъ чтобы народъ и самое духовенство того не замѣчали. Преосвященный Іосифъ родился въ мѣстности, напѣнге благопріятствовавшей этому религіозно-политическому фанатизму: онъ родился 25-го декабря 1798 года Кіевской губерніи, Липовецкаго уѣзда, въ деревнѣ Павловкѣ. „Родина моя“, говоритъ онъ, „была поприщемъ двухвѣковой кровавой борьбы между Малороссіянами, защищавшими свою вѣру и народность, и ихъ притѣснителями Поляками. Эта борьба оживляетъ и нынѣ ненавистью ко всему польскому населенію, между коимъ я провелъ свое юношество. Я слушалъ съ участіемъ разказы этого народа, прикрашенные ѣдкими сарказмами на своихъ притѣснителей, внималъ съ дѣтскимъ сочувствіемъ тяжкимъ его стонамъ, и этотъ мѣстный духъ оставилъ во мнѣ глубокое впечатлѣніе, такъ что слово: *негідный Ляхъ* было для меня типомъ чего-то презрѣннаго и ненавистнаго. Вотъ, вѣроятно, основаніе нѣкотораго отвращенія, которое питалъ я всегда къ Полякамъ и сочувствія къ Россіи. Помню еще и нынѣ, сколь сильно билось мое дѣтское сердце при видѣ стройныхъ русскихъ войскъ; помню, сколь высокое понятіе внушали мнѣ они о Россіи; помню, съ какою отрадою слушалъ я разказы старыхъ служивыхъ и русскія ихъ пѣсни; помню, какъ меня, мальчишку, ласкали русскіе офицеры“.

Дѣдъ его былъ еще православнымъ священникомъ въ селѣ Павловкѣ и только во второй половинѣ прошлаго вѣка перешелъ въ униатство и сдѣлался униатскимъ священникомъ въ томъ же селѣ. Преосвященный съ дѣтства помнилъ его сѣдые волосы и бороду; тогда униатское духовенство не отличалось еще по внѣшности отъ православнаго: Римскій дворъ сбрилъ ему бороду и облекъ въ ксендзовскій костюмъ только въ концѣ прошлаго столѣтія.

Въ домѣ его родителей никогда не говорили по польски, но на мѣстномъ малороссійскомъ нарѣчій, а мать его даже вовсе не знала по польски. Отецъ его, до поставленія униатскимъ священникомъ въ

1811 году, хаживалъ иногда въ православную церковь и до двѣнадцатилѣтняго возраста посылалъ въ нее своего сына на богослуженіе со служителями, а по возвращеніи всякій разъ требовалъ, чтобъ онъ разказалъ ему содержаніе читавшихся Евангелія и Апостола. Мать же, во время богослуженія въ этой церкви лѣтнею порой, обыкновенно молилась въ своемъ саду, отстоявшемъ отъ церкви всего на десять шаговъ. „Эти впечатлѣнія дѣтства“, продолжаетъ въ своихъ запискахъ преосвященный, „сроднили меня сердцемъ и душою съ православною церковью и съ русскимъ богослуженіемъ; такъ что когда меня начали возить въ латинскій костель, по недостатку въ той странѣ униатскихъ церквей,— мнѣ все показалось страннымъ, и самое богослуженіе скорѣе комедіей, нежели молитвою. Въ этихъ впечатлѣніяхъ дѣтства должно, вѣроятно, искать основанія приверженности моей къ православной церкви, которая въ послѣдствіи столь гласно обнаружилась самымъ дѣломъ“.

Нельзя не согласиться съ этимъ заключеніемъ, когда вообразишь всю описанную обстановку первыхъ, самыхъ впечатлительныхъ годовъ знаменитаго архипастыря: въ самомъ дѣлѣ, въ Кіевской странѣ, не смотря на латино-польскую пропаганду, униатство недалеко отошло отъ православія и оставалось тамъ до конца гораздо ближе къ нему, чѣмъ къ латинству. Этимъ объясняются во многомъ, и притомъ самымъ естественнымъ образомъ, послѣдующія историческія дѣянія преосвященнаго Іосифа: тамъ, гдѣ наши противники видятъ одно коварство, измѣну и честолюбивыя выгоды, безпристрастный историкъ отыщетъ со временемъ болѣе чистыя, правдивыя и весьма просто объясняемыя стремленія и убѣжденія.

Первоначальное образованіе преосвященный Іосифъ получилъ въ домѣ своихъ родителей, подъ руководствомъ старичка Бочковскаго, изъ православнаго духовнаго званія (такъ мало униатское духовенство чуждалось тогда православнаго!), но обучавшагося когда-то въ іезуитскихъ школахъ. Ребенокъ учился охотно, имѣлъ особую страсть къ чтенію и пѣнію, что сохранилъ навсегда, и любилъ природу. Въ запискахъ своихъ онъ приводитъ какъ-бы пророческій сонъ, повидимому, сильно на него подѣйствовавшій. Не въ первый разъ приводится мнѣ видѣть, что замѣчательныя духовныя лица обращали иногда особое вниманіе на сновидѣнія. Такъ, въ бумагахъ митрополита Филарета, хранящихся въ св. синодѣ, есть нѣсколько клочковъ почтовой бумаги, на которыхъ онъ собственноручно записалъ видѣнные имъ сны, какъ кажется, тотчасъ по пробужденіи; судя по слабому почерку, запи-

сочин эти должны относиться къ послѣднимъ годамъ его жизни. Отецъ преосвященнаго Іосифа часто пересказывалъ своему семейству, что онъ видѣлъ такой сонъ о сынѣ своемъ Іосифѣ: „Онъ велъ меня за руку по какому-то пустому безграничному полю, къ какому-то уединенному огромному зданію. Передъ нами отворили первый и второй залы. Съ открытіемъ третьихъ дверей, показались передъ нами въ перспективѣ пышныя палаты, одна другой великолѣпнѣе, наполненныя важными людьми. Но въ эти третьи двери пустили одного малютку, передъ отцемъ же его онѣ затворились“. Когда, по окончаніи гимназическаго курса, отецъ отправилъ сына въ университетъ, то вспомнилъ этотъ, по его мнѣнію, пророческій сонъ. „Помнишь мой сонъ“, сказалъ онъ ему; „пустое безграничное поле,—это жизнь, которую ты получилъ отъ меня; двери въ первый залъ, — это домашнее воспитаніе; второй залъ, — гимназическое ученье; то и другое получилъ ты отъ меня; въ третьи двери мнѣ уже за тобою не слѣдовать; ступай съ Богомъ, пусть Онъ тебя проведетъ по этимъ пышнымъ палатамъ“.

Въ 1809 году помѣстили мальчика Іосифа въ Немировскую гимназію, бывшую тогда въ самомъ печальномъ состояніи; тамъ онъ окончилъ курсъ первымъ ученикомъ и въ 1816 году поступилъ въ главную семинарію, составлявшую богословскій факультетъ Виленскаго университета; богословскія науки преподавались въ главной семинаріи, науки же философскія и словесныя семинаристы слушали въ соответственныхъ факультетахъ университета. Въ главной семинаріи содержалось отъ вѣсѣхъ епархій 34 римско-католическихъ и 16 греко-уніатскихъ воспитанниковъ. Здѣсь молодой человекъ пробылъ четыре года и былъ удостоенъ степени магистра богословія.

„Если кто будетъ читать эти записки“, пишетъ преосвященный, вѣроятно, полюбопытствуетъ узнать: какими чувствами, оставляя главную семинарію, былъ я проникнутъ къ римской церкви и Польшѣ, къ Россіи и православной церкви? Какъ могъ я не прилѣпиться къ латинамъ, будучи въ заведеніи римско-католическомъ, въ смѣшеніи съ римско-католическимъ юношествомъ, имѣя начальниковъ и наставниковъ изъ римскихъ духовныхъ, участвуя по большей части въ римскомъ богослуженіи? Какъ могъ я не пристрадиться къ Польшѣ, при тогдашнемъ направленіи извѣстнымъ Чарторижскимъ воспитанія юношества по Виленскому университету и училищамъ, ему подвѣдомственнымъ? Какъ не истребилось во мнѣ сочувствіе къ Россіи и православной церкви, плодъ впечатлѣній дѣтства и родины?

„Дѣйствительно, я съ благодарностью вспоминаю прекрасныя отношенія римско-католическихъ наставниковъ и профессоровъ главной семинаріи къ греко-унитскимъ воспитанникамъ оной; отношенія эти, кажется, были даже разчитаны, чтобы привязать ихъ сердца къ римской церкви. Между тѣмъ, Богъ судилъ иначе: тамъ, гдѣ было искушеніе, явилось и противоядіе. Не знаю, по какому поводу и по чьему распоряженію (кажется, это было случайно), профессора Виленскаго университета приняли тогда по богословскимъ наукамъ въ руководство учебники, употреблявшіяся тогда въ австрійскихъ университетахъ. Они составлены подъ вліяніемъ духа царствованія Іосифа II и устремлены самымъ сильнымъ образомъ противъ злоупотребленій папской власти. Любо было послушать уважаемаго мною профессора Клонгевича ¹⁾: съ какимъ онъ жаромъ возставалъ противу этихъ злоупотребленій, и какъ онъ по всеѣмъ источникамъ приискивалъ подтвержденія своихъ уроковъ, въ дополненіе къ руководству Клиффеля. Съ другой стороны, профессоръ каноническихъ правъ, родомъ Ітаііанецъ, Капелли, свѣтскій человѣкъ, систематически и съ какимъ-то наслажденіемъ преслѣдовалъ при всякомъ случаѣ самыми ѣдкими сарказмами злоупотребленія римскаго духовенства, въ особенности богатыхъ прелатовъ. Думаю, ни въ одной православной академіи воспитанники не услышатъ о злоупотребленіяхъ римской церкви того, что я слышалъ отъ сихъ двухъ наставниковъ. Притомъ же, намъ ничего не говорили противу церкви православной, — вѣроятно, боялись. Не удивительно, если изъ Вильны выѣхалъ я безъ предубѣжденій противу сей послѣдней церкви, а напротивъ съ важными предубѣжденіями противу римской“.

„Что касается распространяемаго тогда систематически Чарторижскимъ полонизма и ненависти къ Россіи, то это не имѣло почти никакого дѣйствія внутри главной семинаріи, а со свѣтскими воспитанниками Виленскаго университета мы не имѣли никакихъ сообщеній. Впрочемъ, нельзя отвергнуть, что послѣ прочтенія нѣсколькихъ сочиненій въ пользу Польши, я сдѣлался было къ ней поласковѣе, тѣмъ болѣе, что не могъ читать почти никакихъ русскихъ книгъ“.

Разъ досталъ онъ нумеръ одного русскаго журнала и сталъ его читать съ своимъ товарищемъ, бывшимъ преосвященнымъ Минскимъ Антоніемъ Зубко. Увидѣвъ это, свѣтскіе студенты университета подняли шумъ: „Развѣ такіе намъ нужны священники, которые забываютъ

¹⁾ Въ послѣдствіи Виленскій римско-католическій епископъ, весьма фанатическій.

мать Польшу, которые сочувствуют Россіи!“ И они должны были припрятать поскорѣ этотъ русскій журналъ.

Одинъ только профессоръ русской словесности Чернявскій привязывалъ своихъ слушателей къ Россіи, и то не лекціями своими, совершенно ничтожными, а тѣмъ одушевленіемъ, съ которымъ онъ всегда разказывалъ о своемъ отечествѣ: „Кажется, онъ поселилъ въ моемъ сердцѣ разумное предпочтеніе и любовь къ Россіи“, замѣчаетъ преосвященный Іосифъ.

По окончаніи курса въ главной семинаріи, Сѣмашко отправился въ свою епархію — въ Жидичинъ, въ семи верстахъ отъ Луцка, гдѣ было тогда мѣстопробываніе греко-уніатскаго Луцкаго преосвященнаго Іакова Мартусевича. Первымъ дѣломъ преосвященнаго было склонить молодаго человѣка принять священство не женатымъ, какъ это дѣлало уніатское духовенство въ подражаніе латинскому. Онъ не рѣшился даже отпустить его повидаться съ родителями, прежде чѣмъ это сдѣлаетъ. „Тамъ тебя матушки да тетушки *огниятъ*, то-есть, женятъ“, говорилъ онъ ему. Отецъ Іосифа Сѣмашки былъ того же мнѣнія, вѣроятно, по видамъ честолюбія. Что касается до самого молодаго магистра богословія, то онъ не любилъ свѣта и общества, имѣлъ страсть къ чтенію и занятіямъ и опасался, что семейная жизнь можетъ отклонить его отъ нихъ, а потому и согласился на предложеніе епископа. Такимъ образомъ, въ 1820 году онъ былъ рукоположенъ въ подіакона, вскорѣ во діакона, а 23-хъ лѣтъ въ іерея, и бѣлъ еще подіакономъ, опредѣленъ былъ засѣдателемъ Луцкой консисторіи.

Члены консисторіи по большей части бездѣйствовали. Не такъ понималъ свои обязанности Сѣмашко: онъ началъ трудиться добросовѣстно и вскорѣ сталъ главнымъ дѣльцомъ и руководителемъ въ дѣлахъ. Бывало, преосвященный Мартусевичъ сойдетъ въ его комнату, потихоньку станеть за его кресломъ, долго слѣдитъ за его перомъ и наконецъ возьметъ его обѣими руками за голову и поцѣлуетъ ее. Такъ, въ постоянной работѣ, оставался онъ въ Жидичинѣ два года.

Въ это время онъ привыкъ къ русскому языку, такъ какъ переписка съ гражданскими присутственными мѣстами и коллегіей производилась по русски, хотя во внутреннемъ дѣлопроизводствѣ консисторіи употреблялся польскій языкъ. Но чтò гораздо важнѣе, замѣчаетъ онъ, „я ознакомился ближайшимъ, такъ-сказать, ощутительнымъ образомъ, съ весьма затруднительнымъ, если не бѣдственнымъ положеніемъ уніатовъ между православною и римско-католическою церковью. На нихъ православные нападали съ явнымъ ожесточеніемъ,

тѣсня ихъ по разнымъ дѣламъ, часто видимо несправедливымъ; римляне же брали отъ нихъ все безъ огласки, подъ видомъ дружбы. Это заставляло меня часто призадуматься, и признаюсь, въ сердцѣ своемъ я пзвпнялъ болѣе православныхъ, чѣмъ римлянъ. Первые, по крайней мѣрѣ, враги, и не безъ повода, думалъ я; уніаты обыкновенно отплачиваютъ имъ тоже враждою; за что же обижаютъ ихъ друзья? Самъ преосвященный Мартусевичъ, добрый старикъ, но воспитанныкъ иезуитовъ, ненавидѣлъ православныхъ и незаслуженно ихъ порицалъ, а это произвело на Сѣмашко впечатлѣніе, совершенно противоположное тому, какого ожидалъ епископъ.

Въ 1822 году Сѣмашко отправленъ былъ въ Петербургъ засѣдателемъ въ уніатскій департаментъ римско-католической духовной коллегіи, отъ Луцкой уніатской епархіи.

„Въ трехнедѣльномъ пути на долгихъ“, читаемъ въ запискахъ преосвященнаго, „я испыталъ одно только важное впечатлѣніе. Извѣстна скудость до невѣроятія храмовъ Божіихъ въ западныхъ литовскихъ и бѣлорусскихъ губерніяхъ. Я нашелъ одно и то же, пока не прибылъ въ Псковскую губернію. Тутъ поразило меня новое совершенно зрѣлище, начиная съ Великихъ-Лукъ, и я былъ особенно въ восхищеніи, когда съ одного нагорья, по долину, орошаемой Ловатью, насчиталъ вдругъ тринадцать сельскихъ церквей каменныхъ, чисто отдѣланныхъ, съ желѣзными крышами, раскрашенными подъ зеленый цвѣтъ. Этотъ видъ возбудилъ въ моемъ сердцѣ неизъяснимое удовольствіе, и церковь православная стала очень высока въ моемъ понятіи. Что же, когда я увидѣлъ великолѣпные храмы въ Петербургѣ, прекрасное въ нихъ богослуженіе, съ отличнымъ пѣніемъ, столько мною любимымъ, стеченіе и благоговѣйное стояніе многочисленнаго народа! Съ того времени впечатлѣнія дѣтства вполнѣ во мнѣ возродились, и я сердцемъ прилѣпился къ церкви православной, и часто, весьма часто, въ сюртукѣ, въ числѣ мірянъ, посѣщалъ православныя церкви вмѣсто скудной бесѣдки, гдѣ отправлялось уніатское богослуженіе, и вмѣсто латинскаго костела, гдѣ музыка представляла мнѣ скорѣе театральное зрѣлище, нежели церковное богослуженіе“.

Въ коллегіи началась та замѣчательная дѣятельность Сѣмашки, которая имѣла конечнымъ результатомъ уничтоженіе уніи. Для яснаго представленія того, каково было положеніе уніатской церкви въ то время, когда въ дѣлахъ ея принялъ онъ участіе, необходимо вспомнить тѣ по истинѣ изумительные перевороты, черезъ которые она прошла со времени воссоединенія западнаго края съ Россіей.

Послѣ раздѣла Польши, унія, въ смыслѣ латинизаціи, была наиболѣе сильна на Литвѣ, центрѣ дѣятельности іезуитовъ. Не такъ прочно, какъ тамъ, укоренился этотъ орденъ въ Бѣлоруссіи. Что же касается до юго-западнаго края, то не смотря на значительное число тамъ униатовъ, униатская церковь оставалась довольно чистою отъ латинскихъ примѣсей, именно потому, что іезуитамъ трудно было пробраться туда на постоянное водвореніе.

Оттого и судьбы уніи были совершенно различны въ этихъ мѣстностяхъ. Съ 1794 по 1796 годъ почти всѣ униаты губерніи Подольской и бѣольшая часть ихъ въ Волынской, числомъ болѣе полутора-милліона, самымъ естественнымъ образомъ, безъ малѣйшаго принужденія, присоединились къ православной церкви. Напротивъ того, въ Литвѣ и Бѣлоруссіи унія не только не ослабла, но усилилась, то-есть, олатинилась, вслѣдствіе ошибокъ русскаго правительства.

Унія, какъ и Польша въ XIX вѣкѣ не болѣе, какъ ошибка русскаго правительства. Ни та, ни другая не имѣли никакихъ внутреннихъ задатковъ для дальнѣйшаго существованія. Исторія униатской церкви, со времени раздѣла Польши и до двадцатыхъ годовъ этого столѣтія, есть только перечень нашихъ ошибокъ, повѣствованіе о нашемъ невѣдѣніи, нашемъ легкомысліи, нашемъ псевдоевропеизмѣ.

Не избѣжала заблужденія въ этомъ отношеніи и великая Екатерина, оставивъ въ западномъ краѣ іезуитскій орденъ, уничтоженнѣй тогда папою: понятно, что іезуиты не упустили случая латинизировать униатовъ. Но за этимъ исключеніемъ, всѣ остальные дѣйствія этой замѣчательной государыни были и правильны, и національны. Она вполне сознавала всю искусственность тогдашней уніи, которую не могли привести къ латинству два вѣка ухищреній Римскаго двора, преслѣдованій польскаго правительства, гнета польскихъ пановъ и изувѣрства латинскаго духовенства.

Рѣдко можно встрѣтить другой примѣръ подобнаго безсилія столькихъ соединенныхъ силъ: лучшее доказательство первоначальнаго насплія народной совѣсти! Къ чему довели цѣлые два вѣка фанатическаго преслѣдованія? Только къ изуродованію греческаго монашества, поставленію изъ него нѣсколькихъ епископовъ и порчѣ нѣкоторыхъ восточныхъ обрядовъ въ относительно небольшомъ числѣ мѣстностей: народъ и бѣлое духовенство остались чуждыми римской церкви, Латинство гнѣздилося въ одномъ монашествѣ, и это только потому, что оно сохранило одно имя ордена св. Василія Великаго, а было наполнено монахами изъ разныхъ латинскихъ монашескихъ орденовъ.

въ особенности іезуитами; они перемѣняли костюмъ, но не переставали принадлежать къ своимъ орденамъ. Они-то доставляли бѣльшую часть уніатскихъ епископовъ, завладѣли мѣстами въ уніатскихъ консисторіяхъ, лучшими уніатскими приходами, семинаріями, капиталами и поземельною собственностію уніатскаго духовенства. Это была не только латинизація уніи, а просто набѣгъ на унію; такъ постоянно разумѣло дѣйствія базилианъ многочисленное бѣлое уніатское духовенство: въ значительную часть его не только не проникъ латинизмъ, но встрѣчалъ въ ней отпоръ и противодѣйствіе, — антагонизмъ между кореннымъ, народнымъ духовенствомъ и враждебными пришельцами былъ видимый, осязательный. Стоило обуздать гонителей, и далеко очутились бы отъ нихъ угнетенные. Такъ именно и думала поступить Екатерина. Все вниманіе правительства обращено было на базилианъ, этихъ римскихъ застрѣльщиковъ противъ уніатскаго русскаго народа.

По примѣру латинскаго монашествующаго духовенства, базилиане лишились своей отдѣльности въ управленіи съ уничтоженіемъ генерала ихъ ордена и подчиненіемъ епархіальнымъ архіереямъ, и это тѣмъ справедливѣе, что, по условіямъ уніи, при ея учрежденіи, монастыри должны были оставаться подъ вѣдѣніемъ епископовъ, а эта латинская организація принадлежала уже послѣднему времени; предположено было также закрыть нѣсколько базилианскихъ монастырей. Въмѣсто четырехъ уніатскихъ епархій, каедры коихъ заняты были членами того же ордена, оставлена была только одна Полоцкая. Кончина императрицы положила конецъ дальнѣйшему развитію этихъ мѣръ.

При императорѣ Павлѣ пошло все наоборотъ: учреждены были двѣ новыя уніатскія епархіи. Брестская и Луцкая, и на нихъ назначены прежніе фанатическіе епископы, а управленіе греко-уніатскою церковью ввѣрено римско-католической духовной коллегіи, то-есть, иными словами, унія подчинена римско-католицизму. Римскіе католики распространяли тогда слухъ, что само русское правительство желаетъ уничтоженія уніи и сліянія ея съ латинскою церковью.

Дѣйствіе этой мѣры и этихъ ложныхъ слуховъ выразилось въ послѣдующее царствованіе тѣмъ, что около двухъ сотъ тысячъ уніатовъ переведено было въ Бѣлоруссіи въ латинство. Безсовѣстность латинскаго духовенства дошла до того, что оно стало почитать римско-католиками прихожанъ тѣхъ унитскихъ церквей, гдѣ ему удалось ввести опресноки, но гдѣ всѣ остальные таинства и обряды восточной церкви оставались не прикосновенными, а уніатскіе священники,

по прежнему, настоятелями церкви. Латинство было такъ безсильно по вліянію своему на народныя массы, что не могло ихъ олатинить, точно также какъ и уніатское духовенство; оттого ему и оставалось только зачислять въ свою среду по пустымъ предлогамъ тѣхъ, которые въ дѣйствительности никогда въ ней не были и не согласились бы быть.

Уніатское духовенство взволновалось этими насиліями и обманами и въ 1807 году добилось имѣть своихъ представителей въ римско-католической духовной коллегіи въ лицѣ уніатскаго епископа и трехъ депутатовъ отъ уніатскаго духовенства. Но это незначительное меньшинство подавлялось огромнымъ большинствомъ членовъ коллегіи отъ латинскихъ епархій, и потому въ слѣдующемъ году, по настоятельному требованію архіепископа Лиссовскаго, коллегія раздѣлена была на два департамента: римско-католическій и уніатскій, которые соединялись для дѣлъ общихъ обѣимъ церквамъ.

Лиссовскій ненавидѣлъ латинство и очистилъ отъ него церкви своей епархіи; по возведеніи его въ 1805 году въ санъ митрополита и по учрежденіи въ 1809 году особой уніатской митрополіи, уніатская церковь сдѣлалась нѣсколько самостоятельнѣе и независимѣе отъ римско-католической.

Такъ продолжалось и при преемникѣ его, назначенномъ послѣ его смерти и по его просьбѣ, митрополитѣ Кохановичѣ, вышедшемъ изъ бѣлаго духовенства. Въ 1810 году состоялось постановленіе, возмущившее всѣхъ латинянъ, о томъ, чтобы не допускать въ базилианскій орденъ лицъ латинскаго исповѣданія. Какъ ни естественна была эта мѣра, соотвѣтствовавшая всегдашнимъ официальнымъ, но неискреннимъ заявленіямъ Римскаго двора о несмѣшеніи этихъ двухъ вѣроисповѣданій, она равнялась прекращенію базилианскаго ордена, а съ нпмъ, вѣроятно, и уніи, такъ какъ вся латинизирующая унія заключалась собственно въ однихъ почти базилианахъ, а большинство ихъ состояло изъ латинскихъ монаховъ. Польская аристократія, тогда весьма вліятельная на правительство, успѣла парализовать эту важную мѣру, и она осталась только на бумагѣ.

Въ 1817 году возведенъ былъ интригами польскаго дворянства на митрополитчью кафедру базилианинъ Булгакъ, воспитанникъ римской коллегіи de propaganda fide, и унія отшатнулась снова, и весьма замѣтно, къ латинству: первымъ дѣйствіемъ его было введеніе въ коллегію представителя базилианскаго ордена.

Такимъ образомъ, когда прибылъ Сѣмашко въ Петербургъ засѣдать въ уніатской коллегіи, унія была, какъ и при владычествѣ Польши, въ рукахъ нѣсколькихъ сотенъ базилианъ, то-есть, уніатовъ только по имени, въ дѣйствительности же латинянъ; въ то время она имѣла 84 мужскихъ и десять женскихъ монастырей, правда почти пустыхъ, такъ какъ въ 64-хъ мужскихъ монастыряхъ не было и по семи монаховъ, но съ обширными землями и капиталами, и что важнѣе всего, съ рѣшительною властію надъ всею уніатскою церковью и съ своимъ митрополитомъ во главѣ ея. Всѣ искусственныя поддержки изнемогавшей уніи, бывшія въ ходу при польскомъ правительствѣ, продолжали существовать и при русскомъ; надъ нею властвовали ея притѣснители, тѣ именно, которые менѣе всѣхъ могли желать продолженія ея существованія, а народное духовенство было забыто и забито, точно также какъ и унитскій народъ.

Новый засѣдатель коллегіи отличался умомъ пропнцательнымъ, положительнымъ, математическимъ, чуждымъ всякихъ отвлеченностей, трудолюбіемъ, необыкновенною силою воли, простотою и ограниченностію потребностей въ обыденной жизни; въ этой натурѣ были всѣ задатки государственнаго человѣка.

Съ самаго вступленія его въ коллегію, все бремя трудовъ пало на него: митрополитъ Булгакъ, какъ онъ говоритъ, „дѣлами всю жизнь мало занимался; на то были официалы“; но засѣдатели, люди немолодые, и по лѣтамъ своимъ не могли трудиться, какъ слѣдуетъ. Кромѣ того, Булгакъ и его сослуживцы мало разумѣли по русски, а дѣла въ уніатскомъ департаментѣ коллегіи производились на русскомъ языкѣ. Разговорнымъ языкомъ между членами коллегіи былъ языкъ польскій, всѣ почти чиновники и служители говорили по польски. Сѣмашко съ жадностію бросился на чтеніе русскихъ книгъ, сдѣлалъ большіе успѣхи въ русскомъ языкѣ, въ особенности письменномъ, но оставаясь въ этой польской средѣ, не вполне могъ овладѣть разговорнымъ. „Я и до сихъ поръ“, пишетъ онъ въ 1850 году, „не безъ затрудненія разговариваю по русски, особенно по предметамъ общежитія. Я то же грѣшу до нынѣ въ произношеніи и удареніяхъ, и мнѣ часто, послѣ разговора съ Русскими, больно бываетъ подумать, что они по одному этому обстоятельству могутъ меня считать для себя чуждымъ, меня, преданнаго всегда Россіи сердцемъ и душою, можетъ-быть, болѣе ихъ самихъ“.

Первое важное дѣло коллегіи, въ которомъ выразился образъ мыслей засѣдателя Сѣмашки, было судъ надъ Полоцкимъ архіепископомъ

Красовскимъ. Я изложилъ его подробно въ сочиненіи моемъ „Le catholicisme romain en Russie“ ¹⁾, и съ удовольствіемъ вижу, что взглядъ мой подтверждается вполне записками пресвященнаго Іосифа: „Красовскій“, говоритъ онъ, „былъ первый архіерей изъ бѣлаго уніатскаго духовенства ²⁾; онъ сочувствовалъ немногому числу самостоятельныхъ умовъ между уніатами, которые заботились о независимости своей церкви отъ римскаго порабощенія, онъ дѣйствовалъ въ ихъ духѣ и первый заботился о просвѣщеніи духовнаго уніатскаго юношества“. Этого, конечно, было достаточно, чтобы возбудить противъ него базиліанъ и митрополита Булгака; они взвели на него разныя клеветы, въ послѣдствіи вполне и документально опровергнутыя, и лишили его епархіи. Судъ надъ этимъ архіерейскономъ былъ боемъ между латинизаторами и настоящими уніатами: первые его приговорили, вторые оправдали. Послѣднихъ было только двое, оба изъ бѣлаго духовенства, и одинъ изъ нихъ Сѣмашко. „Я не согласился съ симъ рѣшеніемъ, не смотря на то, что меня стращали гнѣвомъ министра ³⁾, не смотря на то, что я подвергался немилости главнаго моего начальника митрополита Булгака, подалъ особое подробное и обстоятельное мнѣніе и убѣдилъ своего товарища Маркевича подписать оное“. Не придумаются ли надъ этимъ образомъ дѣйствій Сѣмашки тѣ многочисленные клеветники его, которые ославили его въ западной Европѣ корыстнымъ и честолюбивымъ предателемъ? Ни честолюбіе, ни корысть не могли побудить его дѣйствовать противъ правительства и непосредственнаго своего начальства; идя противъ того и другаго, онъ дѣлалъ изъ нихъ себѣ враговъ, и враговъ всесплныхъ передъ ничтожнымъ засѣдателемъ Луцкой епархіи. Но прежде всего онъ былъ человекомъ твердыхъ убѣжденій и никогда имъ не измѣнялъ: такимъ заявилъ онъ себя и въ общихъ собраніяхъ коллегіи (соединенно съ римско-католическимъ департаментомъ). „Для подобныхъ рѣшеній“, пишетъ онъ, „обыкновенно и не считали нужнымъ приглашать членовъ уніатскаго департамента, но приносили имъ для подписи уже готовые постановленія, составленныя въ римско-католическомъ департаментѣ. Нашъ предсѣдатель митрополитъ Булгакъ былъ обыкновенно на сторонѣ римлянъ, мои товарищи безмолствовали, но я почти ни-

¹⁾ Томъ II, стр. 364—368.

²⁾ Это свѣдѣніе не вѣрно: прежде него митрополитъ Кохановичъ вышелъ изъ того же духовенства.

³⁾ Кн. А. Н. Голицынъ былъ на сторонѣ митрополита и базиліанъ.

когда не уступалъ, гдѣ видѣлъ пользы и права уніатской церкви по-
пранными преобладаніемъ римлянъ и весьма часто заставлялъ измѣ-
нять составленныя самонадѣянно въ римско-католической коллегіи
постановленія, вредныя уніатамъ“. Такъ, въ 1827 году онъ настоялъ
на принятіи его мнѣнія по дѣлу о совращеніи болѣе 20 тысячъ уніа-
товъ въ латинство по одной только Виленской епархіи; до тѣхъ же
поръ дѣло это тянулось безрезультатно слишкомъ двадцать лѣтъ.

Эта постоянная борьба съ латинянами укрѣпила еще болѣе отъ
природы твердый характеръ Сѣмашки, доставила ему опытность и приу-
чила къ осмотрительности: „Во мнѣ образовалось“—прибавляетъ онъ—
„что-то дѣйствительно стоическое; основанія этого стоицизма, вѣроятно,
нужно искать въ самыхъ юныхъ моихъ лѣтахъ. Для меня римская и
греческая исторія, столько прославлявшая патриотизмъ и личное само-
пожертвованіе въ пользу общества, была непреложною истиною. Я съ
особеннымъ наслажденіемъ читалъ Плутарха, Сенеку, Тацита и всѣ
сочиненія, превозносившія добродѣтель и громившія пороки. Для меня
изреченія древнихъ: „*pereat mundus, fiat justitia*“ или „*si totus illaba-
tur mundus, impravidum ferient ruinae*“ были не пустыми фразами“.

Несправедливости римлянъ, гоненія ихъ противъ уніи и уніатовъ
окончательно, до стоицизма, какъ онъ говоритъ, закалили этотъ же-
лѣзный характеръ и сдѣлали изъ него врага разумнаго и рѣшитель-
наго противу всего латинствующаго. Вотъ гдѣ нужно искать истин-
ную причину и начало всей послѣдующей дѣятельности этого замѣ-
чательнаго человѣка: тѣ, которые стремились поглотить унію въ ла-
тинство, тѣ именно и потеряли ее для латинской церкви.

Убѣгая отъ порабощенія латинства, показавшаго себя явно враж-
дебнымъ уніи, Сѣмашко началъ размышлять о православной церкви
и сталъ изучать ея исторію. Въ 1827 году онъ написалъ для себя
цѣлый обширный трактатъ по исторіи церкви, начиная съ древнѣй-
шихъ временъ, прослѣдилъ всѣ уклоненія церкви западной отъ все-
ленской, беззастѣнчивыя дѣйствія папъ, обманное созданіе уніи и
пришелъ къ убѣжденію въ истинности православія. Въ научномъ от-
ношеніи трактатъ этотъ не имѣетъ значенія, такъ какъ онъ написанъ
не по источникамъ, а большею частію по пзвѣстнымъ уже сочине-
ніямъ; но онъ важенъ въ томъ отношеніи, что показываетъ, какимъ
образомъ внутренно измѣнили свои религіозныя вѣрованія человѣкъ,
который въ послѣдствіи повелъ за собою полтора милліона людей въ
томъ же направленіи. Западная историческая наука, за малыми исклю-
ченіями, до того пристрастна по своимъ религіознымъ и политиче-

скимъ предубѣжденіямъ, что рѣдко соглашается видѣть самую очевидную историческую истину. Не то съ частными людьми: мы имѣемъ уже нѣсколько примѣровъ, что именно путемъ историческаго изученія церкви иновѣрцы доходили до православія; такъ случилось съ аббатомъ Гете въ Парижѣ; такъ, не болѣе мѣсяца тому назадъ, извѣстный богословскій писатель Овербекъ присоединился къ православной церкви въ Лондонѣ. Тою же дорогою дошелъ до нея и уніатъ Сѣ-машко.

Кромѣ того, на него сильно подѣйствовало неопредѣленное, уни-зительное положеніе его еднновѣрцевъ между обѣими церквами. Въ упомянутомъ историческомъ трактатѣ онъ говоритъ между прочимъ: „Уніатское духовенство скорѣе низшимъ разрядомъ римскаго, чѣмъ самобытнымъ сословіемъ должно быть нынѣ почитаемо. Оно имѣетъ то же самое одѣяніе, тѣ же наружные знаки отличія; оно служитъ въ однѣхъ церквахъ, на однихъ алтаряхъ и въ тѣхъ же священныхъ облаченіяхъ; оно ввело, вмѣсто древнихъ греческихъ обрядовъ, болъ-шую часть римскихъ, вмѣсто внятнаго для народа богослуженія, тихо читаемыхъ мши; уже въ большей части церковей не найдется иконоста-совъ; по многимъ же, вмѣсто громогласнаго пѣнія, столь ясно гово-рящаго уму и сердцу, заведены нѣмые органы. Остался единственно почти отличительною чертою славянскій языкъ, употребляемый въ богослуженіи; но и онъ поставленными изъ римлянъ священниками, и даже природными уніатами, ежедневно искажается и неохотно упо-требляется; въ поученіи народа по большей части употребляется поль-скій языкъ, для него невнятный; по многимъ даже мѣстамъ учатъ его самымъ важнѣйшимъ молитвамъ на семь языкѣ. Само безженство бѣлаго духовенства вводится постепенно, оно почитается совершен-ствомъ, и многіе священники, особенно получившіе лучшее (то-есть, римское) воспитаніе, въ честь себѣ поставляютъ блюсти безбрачную жпзнь. Итакъ, не имѣется уже почти никакой преграды совершенному совращенію уніатовъ къ римскому обряду... Можно съ достовѣр-ностію сказать, что мало отыщется въ римскомъ обрядѣ крестьянъ русскаго происхожденія, которые не присоединились бы къ оному уже во время російскаго правленія. Можетъ быть довольно одного благо-пріятнаго случая, и полтора милліона Русскихъ по крови и языку своему отчуждены будутъ навсегда отъ старшихъ своихъ братьевъ“.

Итакъ, не одни религіозныя, но и политическія народныя побуж-денія отклоняли Сѣмашку отъ олатиненной и ополяченной уніи и бли-зили къ Россіи и православной церкви: латино-польскій гнетъ отшат-

нулъ его отъ себя и придвинулъ къ русскому православію. Въ запискахъ своихъ онъ еще яснѣе выражаетъ это внутреннее настроеніе въ слѣдующихъ словахъ: „Я давно ужъ убѣдился въ православіи восточной церкви посредствомъ чтенія и тщательнаго розысканія, а между тѣмъ принадлежалъ къ церкви западной. Я былъ членомъ, и немало-важнымъ, церкви русской, хотя и отложившейся отъ истиннаго ученія; а между тѣмъ, по тогдашнему положенію уніатской церкви, долженъ былъ, по необходимости, служить орудіемъ окончательнаго измѣненія оной въ латинскую. Я сердцемъ и душою преданъ былъ Россіи и съ нею соединялъ высокій идеалъ моего отечества, почерпнутый въ чтеніи древнихъ; а между тѣмъ считался для нея чуждымъ и принадлежащимъ непріязненной для нея Польпѣ. Несправедливость и притѣсненія были для меня всегда невыносимыми; а между тѣмъ я былъ часто бесполезнымъ ихъ свидѣтелемъ. Вотъ мысли, которыя болѣе двухъ лѣтъ обуревали постоянно мою душу, не закалившуюся еще въ морѣ житейскихъ тревогъ, и постоянно ее смущали мучительными сомнѣніями. Онѣ разрѣшились наконецъ рѣшительнымъ намѣреніемъ: оставить прежнее, не выносимое для меня положеніе и присоединиться къ православной церкви“.

Въ такихъ убѣжденіяхъ, Сѣмашко задумалъ было постричься въ монашество въ Александроневской лаврѣ, не смотря на то, что передъ нимъ было въ уніатской церкви такое поприще, которое могло удовлетворять честолюбіе духовнаго лица: 24-хъ лѣтъ отъ роду онъ былъ уже протоіереемъ, 25-ти — каноникомъ, а 27-ми — прелатомъ. Не было ни малѣйшаго сомнѣнія, что онъ вскорѣ возведенъ былъ бы въ санъ архіерея. „Авось, послѣ того, не стануть думать“, прибавляетъ онъ, „что я присоединился изъ интереса“.

Прежде чѣмъ онъ успѣлъ привести въ исполненіе свое намѣреніе, измѣнились виды правительства на унію, и это несомнѣнно остановило его рѣшеніе одиночнаго присоединенія.

Съ самага вступленія своего на престолъ, императоръ Николай взглянулъ на вопросъ польскій и тѣсно связанный съ нимъ тогда уніатскій не съ точки зрѣнія латинской Европы, а съ православно-русской, и поставилъ задачею своего царствованія національное его разрѣшеніе. Министръ духовныхъ дѣлъ, адмиралъ Шишковъ всегда раздѣлялъ эти воззрѣнія и потому могъ быть надежнымъ исполнителемъ его воли, не по долгу только, но и по совѣсти. Прежде всего, — какъ и слѣдовало, — обращено было вниманіе на базилянъ, и 9-го октября 1827 года послѣдовалъ указъ, чтобы въ греко-уніатское мо-

нашество ни въ какомъ случаѣ не принимать людей другаго обряда, и чтобъ изъ самого греко-уніатскаго допускать къ произнесенію монашескихъ обѣтовъ только тѣхъ, кои будеть доказано, что они имѣютъ достаточныя познанія въ славянскомъ языкѣ и греческомъ богослуженіи. Въ сущности, постановленіе это не болѣе какъ развитіе послѣдовавшаго уже, какъ мы видѣли, въ 1810 году; но въ дѣйствительности между ними огромная разниця: правительство императора Александра I высказало только вѣрную мысль и тотчасъ же робко отъ нея отступило; императоръ же Николай объявилъ обдуманную имъ систему, которая легла въ основаніе всѣхъ дальнѣйшихъ его дѣйствій по этому предмету. Кромѣ того, тѣмъ же указомъ повелѣвалось учредить училища для бѣлаго греко-уніатскаго духовенства, гдѣ наставляли бы дѣтей въ правилахъ вѣры и въ обрядахъ богослуженія на славянскомъ языкѣ. Мѣра эта направлена была также противъ базилианъ, потому что, какъ уже знаемъ, они захватили въ свои руки воспитаніе уніатскаго юношества, для того, чтобы съ юныхъ лѣтъ его латинить и ополячивать.

Эти виды правительства совершенно согласовались съ давнишними убѣжденіями прелата Сѣмашки.

„Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1827 года“, пишетъ онъ, „не помню по какому дѣлу, порученному мнѣ преосвященнымъ Сѣроцкимъ, я былъ у директора департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, умершаго сенаторомъ, Григорія Ивановича Карташевскаго, весьма мало прежде мнѣ знакомаго. Послѣ дѣла частнаго, у насъ завязался какъ-то разговоръ о дѣлахъ греко-уніатскихъ вообще и нечувствительно коснулся всѣхъ обстоятельствъ сей церкви. Повидимому, говоренное мною было для Карташевскаго ново, и онъ слушалъ все съ особеннымъ увлеченіемъ. Наконецъ просилъ меня: не могу ли я изложить сказаннаго мною на бумагѣ. Я не далъ обѣщанія; но возвращаясь домой, былъ пораженъ этимъ обстоятельствомъ; оно мнѣ показалось какъ-бы указаніемъ свыше; я былъ въ лихорадочномъ состояніи и въ одну ночь начертилъ записку о положеніи уніатской въ Россіи церкви и средствахъ возвратить оную на лоно православной церкви. На другой день я ее поправилъ, послѣ перебѣлилъ, и 5-го ноября отдалъ Карташевскому. Предлогомъ для записки взялъ я недавно послѣдовавшій Высочайшій указъ отъ 9-го октября того 1827 года, которымъ воспрещено принимать римлянъ въ уніатское монашество, и велѣно учредить училища для уніатскаго духовнаго юношества“.

Въ этой запискѣ ¹⁾ прелать Сѣмашко изобразилъ тогдашнее бѣдственное положеніе униі, порабоцаемой латинствомъ, взявъ въ нее иногда цѣлкомъ мысли, изложенныя имъ прежде въ историческомъ трактатѣ о церкви, о которомъ я говорилъ выше; наставлялъ на скорѣйшемъ осуществленіи заявленнаго правительствомъ намѣренія учредить училище для униатскаго духовенства, съ тѣмъ, чтобъ оно воспитывало дѣтей своихъ только въ этихъ училищахъ, и чтобы преподаваніе въ нихъ происходило не на польскомъ, а на русскомъ языкѣ; соглашался оставить низшія духовныя училища въ завѣдываніи базилианъ, преимущественно по недостатку учителей изъ бѣлаго духовенства, но съ уменьшеніемъ въ нихъ числа классовъ; напоминалъ о давнишнемъ желаніи правительства сократить число базилианскихъ монастырей, оставивъ ихъ не болѣе двадцати; указывалъ на необходимость лучшаго управленія монастырскими имуществами, уничтоженія отдѣльнаго монашескаго начальства, запрещенія принимать въ монастыри повицѣвъ, удаленія униатскихъ епископскихъ кафедръ изъ мѣстъ, гдѣ имѣлись латинскія, и на совершенное отдѣленіе униатскаго департамента коллегіи отъ римско-католическаго.

Въ 1850 году митрополитъ Іосифъ писалъ въ своихъ запискахъ: „Двадцать-три года минуло со времени составленія этой записки. Поспѣшность сочиненія замѣтна и въ слогѣ, и въ русскомъ языкѣ, и въ самой исполнотѣ предположеній, изъясненныхъ только въ общихъ чертахъ. Между тѣмъ эти общія указанія были дѣйствительнымъ основаніемъ всего униатскаго дѣла, развивавшагося уже въ послѣдствіи въ частныхъ мѣрахъ, такъ что правительство всегда возвращалось къ симъ основаніямъ, послѣ бывшихъ нѣкоторыхъ попытокъ избрать другой путь по стороннимъ внушеніямъ. Свѣдѣнія, въ сей запискѣ изложенныя и теперь по большей части мало извѣстныя, были тогда почти совершенно новы и обратили полное вниманіе правительства“.

„Черезъ два или три дня послѣ подачи записки, Карташевскій приглашаетъ меня къ себѣ, везетъ къ министру Шишкову, вводитъ въ его кабинетъ, и почтенный сей старецъ показываетъ мнѣ, а послѣ читаетъ вслухъ записочку къ нему Государя Императора, на обѣихъ сторонахъ восьмьюшки карандашомъ написанную, изъ которой остались мнѣ въ памяти нѣкоторыя только слова: „Я съ особеннымъ удо-

---

¹⁾ Она напечатана г. Поповымъ въ іюньской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*.

вольствіємъ читаль записку, представленную мнѣ вами... Я радъ очень, что мы имѣемъ такое орудіе... Объявите ему все это и мое удовольствіе“. Я всегда жалѣлъ“,—продолжаетъ митрополитъ,—„что, послѣ возвращенія домой, не записалъ вполнѣ живыхъ еще тогда въ моей памяти, этихъ драгоценныхъ словъ ¹⁾). Едва-ли мнѣ доставляли столько удовольствія всѣ въ послѣдствіи полученныя награды, какъ эти слова Государя, нечаянно обратившія меня къ поприщу, столь соотвѣтствовавшему тогдашнему моему намѣренію и душевному расположенію“.

„Спустя два года послѣ посвященія во епископа, удостоился я съ митрополитомъ и епископомъ Мартусевичемъ представленія въ царскомъ кабинетѣ и былъ удивленъ самымъ пріятнымъ образомъ, когда Государь Императоръ, излагая намъ положеніе униатской церкви и намѣреніе свое улучшить оное, повторялъ почти слово въ слово цѣлыя мѣста моей записки. Мои товарищи удивлялись также, откуда могъ Государь имѣть всѣ подобныя свѣдѣнія, имъ самимъ не вполнѣ извѣстныя. Это одно обстоятельство указываетъ, сколько Государь Императоръ принималъ къ сердцу униатское дѣло и онымъ занимался. Никто болѣе меня не убѣжденъ, что онъ былъ истиннымъ виновникомъ сего дѣла. Сколько ни случилось въ теченіи онаго помѣшательствъ и остановокъ, всегда онѣ были отстраняемы твердою волею Государя, и дѣло получало новое движеніе“.

Исторія несомнѣнно подтвердитъ, что истиннымъ виновникомъ уничтоженія униі былъ не кто другой, какъ самъ императоръ Николай, а орудіемъ его въ этомъ дѣлѣ и убѣжденнымъ помощникомъ митрополитъ Іосифъ.

Одинокъ стоялъ тогда Сѣмашко среди высшаго униатскаго духовенства: изъ него не только никто не помышлялъ о возвращеніи униі въ православіе, но никто даже не думалъ объ очищеніи ея отъ латинства (не называемъ архіепископа Красовскаго, потому что онъ былъ лишень епархіи, а вскорѣ по назначеніи на Луцкую кафедру, скончался въ 1827 году). Митрополита Булгака, тогда 70-лѣтняго старика, мы уже знаемъ. Епископъ Іаковъ Мартусевичъ, хотя

¹⁾ Резолюція императора была слѣдующая: «Я съ особеннымъ удовольствіемъ читаль записку, которую вы мнѣ прислали. Раздѣляя совершенно сей образъ мыслей, я радуюсь, что случайно нашелъ въ униатской церкви человека, который, можетъ-быть, способенъ помочь намъ въ дѣлѣ, которымъ непрестанно занимаюсь, и съ помощію Божіей, приведу въ исполненіе. Вы можете ему объявить, что я весьма доволенъ, что его узналъ».

священнической сынъ, по іезуитской воспитанникъ, жилъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ іезуитами до самаго ихъ изгнанія изъ Россіи въ 1820 году, и кажется, принадлежалъ къ ихъ внѣшнему братству; онъ носилъ на себѣ рѣшительную печать іезуитизма. „Онъ былъ вполне фанатикъ“, говоритъ митрополитъ Іосифъ, „ненавидѣлъ все русское и православное, и при всей своей кротости, не отказался бы отъ мученичества“. Епископъ Кириллъ Сѣроцинскій, викарій Луцкой епархіи, также священнической сынъ, по воспитанникъ папскаго алумната. Епископъ Авріанъ Головня, управлявшій Виленскою епархіей, и епископъ Левъ Яворовскій, викарій Брестской епархіи, принадлежали къ базилианскому ордену. Всѣ прочія важнѣйшія мѣста по уніатской церкви заняты были тогда лицами, воспитывавшимися въ папскомъ Виленскомъ алумнатѣ или въ Виленской главной семинаріи, слѣдовательно, въ духѣ и правилахъ, чуждыхъ Россіи и православію, и были рѣшительными приверженцами римскаго католицизма и полонизма.

Въ такой-то средѣ началъ прелать Сѣмашко осуществлять заветную свою мысль о воссоединеніи уніи.

Прежде всего онъ занялся базилианами и составилъ для уніатскаго департамента коллегіи пространный протоколъ, по которому предполагалось упразднить 57 ихъ монастырей и обратить ихъ имущества на болѣе существенныя потребности уніатской церкви, въ особенности же на учрежденіе семинарій и духовныхъ училищъ. Мѣра эта вполне оправдывалась не только пустотой этихъ обителей, въ коихъ было по два и по три монаха, но и тѣмъ, что съ воспрещеніемъ принимать въ этотъ орденъ латинянь, онъ еще болѣе долженъ былъ обезлюдѣть. Кромѣ того, нѣкоторые изъ этихъ монастырей находились въ такихъ мѣстахъ, гдѣ уніатовъ вовсе не было. Между тѣмъ, въ трехъ уніатскихъ епархіяхъ не было даже кафедральныхъ церквей и помѣщенія для консисторій. Сѣмашко думалъ учредить три семинаріи: для Луцкой епархіи въ Овручскомъ монастырѣ на 30 казенныхъ учениковъ, для Виленской на такое же число воспитанниковъ въ Березвецкомъ монастырѣ, и въ Жупровицахъ для Брестской епархіи на 50 учениковъ, положивъ такое же ихъ число для существовавшей уже Полоцкой семинаріи. Черезъ пять лѣтъ по открытіи семинарій, никто не могъ быть поставленъ въ священники, не окончивъ курса ученія въ одной изъ нихъ. При семинаріяхъ полагалось учредить нѣсколько духовныхъ училищъ, именно: три при Полоцкой, два при Луцкой, пять при Брестской и три при Виленской. Въ

курсъ ученія этихъ училищъ должны были входить: славянскій языкъ, церковное пѣніе и обряды богослуженія; онѣ подчинялись совершенно епархіальному начальству (а не базилианамъ); и архіереи обязывались дѣлать имъ ежегодно осмотръ или сами, или чрезъ довѣренныхъ лицъ, и о томъ, что найдутъ, доносить коллегіи.

Постановленіе это охотно подписали члены коллегіи изъ бѣлаго духовенства. „И неудивительно“, — прибавляетъ преосвященный Іосифъ, — „оно было благодѣтельно для уніатской церкви; митрополитъ Бѣлгакъ былъ пасмуренъ, но не могъ сопротивляться и подписалъ“, а за нимъ и остальные члены.

Въ концѣ февраля 1828 года адмиралъ Шишковъ докладывалъ объ этомъ Государю; но послѣдовало повелѣніе отложить до болѣе удобнаго времени; повидимому, Государь не могъ рѣшиться на мѣру, казавшуюся тогда слишкомъ радикальною.

23-го апрѣля того же года Шишковъ оставилъ министерство, а наканунѣ этого дня успѣлъ согласить Государя, хотя не на эту, а на другія, весьма существенныя мѣры по управленію уніатскою церковью. 22-го апрѣля послѣдовалъ указъ, объ учрежденіи отдѣльной отъ римско-католиковъ, самостоятельной греко-уніатской духовной коллегіи, подъ предсѣдательствомъ митрополита, изъ одного епископа, одного архимандрита и четырехъ протоіереевъ. Въ указѣ этомъ сказано: „Греко-уніатская духовная коллегія, завѣдывая дѣлами сей церкви въ Россіи, имѣетъ тщательно наблюдать, чтобъ установленія оной, чинъ богослуженія и весь порядокъ церковнаго правленія былъ охраняемъ отъ введенія какихъ-либо чуждыхъ, несвойственныхъ греческимъ обрядамъ обычаевъ, на точномъ основаніи положившихъ начало уніи грамотъ 1595 года“. Этимъ же указомъ сокращено на половину число уніатскихъ епархій: изъ четырехъ оставлено только двѣ, названныя Бѣлорусскою, съ каедрою въ Полоцкѣ, и Литовскою, съ каедрою въ Жировицкомъ монастырѣ (Гродненской губерніи, Слонимскаго уѣзда). Въ этомъ отношеніи Шишковъ пошелъ далѣе Сѣмашки, который полагалъ закрыть одну только Виленскую, потому что она состояла почти вся въ Минской губерніи, въ Виленской же было только 35 церквей, а въ самомъ Вильнѣ не было вовсе уніатскаго народонаселенія. При каждой изъ двухъ вновь образованныхъ епархій должны были учредиться консисторія, семинарія и низшее духовное училище, а въ Полоцкѣ духовная греко-уніатская академія. Всѣ базилианскіе монастыри были подчинены мѣстнымъ епархіальнымъ начальствамъ и консисторіямъ, и только съ ихъ разрѣшенія бази-

ліанскіе провинціалы могли дѣлать распоряженія по управленію ихъ обителями и производить имъ визитацію, а настоятели монастырей должны были назначаться и смѣняться самою коллегіей.

Приведеніемъ въ исполненіе этого указа занялся тоже Сѣмашко, хотя и не все въ немъ соотвѣтствовало его взгляду. Изъ прежде поданной имъ записки видно, что онъ былъ противъ учрежденія особой греко-уніатской академіи. Въ этой запискѣ онъ выражалъ, что „учрежденіе особаго уніатскаго главнаго училища пребудеть на долгое время и предлогомъ, и дѣйствительною причиною совершенному отчужденію уніатской церкви. Это не стоитъ труда и издержекъ. Лучше обратить вниманіе на епархіальныя семинаріи, и къ образованію оныхъ употребить малое число способныхъ по уніатскому обряду людей. Греко-россійская церковь славится пастырями, получившими свое воспитаніе между уніатами; вѣра оттого ничего не потерпѣла. Безъ сомнѣнія, и въ уніатской церкви найдется со временемъ архіерей, который, по недостатку главнаго духовнаго училища, испроситъ дозволеніе посылать отличнѣйшее юношество въ одну изъ греко-россійскихъ духовныхъ академій. Этому примѣру послѣдуютъ другіе, и двѣ братскія церкви, если не вѣрою, то по крайней мѣрѣ, взаимною любовію составятъ одно истинно христіанское общество“. Еще менѣе могло удовлетворить Сѣмашку заключающееся въ указѣ 22-го апрѣля о базиліанахъ: все ограничилось пока измѣненіемъ высшаго управленія ихъ монастырями, сами же монастыри съ своими имуществами остались по прежнему.

Но конечно, онъ не сомнѣвался, что такъ продолжится долго не можетъ, и принялся за дѣло въ размѣрахъ, очерченныхъ тогда правительствомъ. Да и кто, кромѣ него, могъ бы имъ заняться? „Съ увѣренностію смѣю утверждать“,—писалъ онъ тогда,—„что митрополитомъ въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ руководствуетъ единственно опасеніе подвергнуться участи Ростоцкаго ¹⁾; онъ никогда не откажется отъ защиты интересовъ нынѣшнихъ монаховъ и приверженности къ постановленіямъ римской іерархіи, а всегда будетъ пренятствовать опредѣленіямъ коллегіи, къ этимъ предметамъ относящимся, если не будетъ, по крайней мѣрѣ, догадываться, что онѣ согласны съ волею начальства; въ семъ послѣднемъ случаѣ онъ будетъ снисходителен“.

Въ самомъ главномъ управленіи духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій произошла существенная перемѣна: оно отдѣлилось отъ

¹⁾ Епархія его уничтожена была императрицей Екатериною въ 1795 году.

министерства просвѣщенія и было поручено статсъ-секретарю Блудову. Дмитрій Николаевичъ былъ, какъ всѣ знаютъ, человѣкъ замѣчательнаго ума и съ обширными познаніями, но въ этомъ дѣлѣ онъ былъ тогда новъ, и если основываться на предположеніи преосвященнаго Іосифа, въ то время и неохотно за него взялся, надѣявшись быть, послѣ Шишкова, не только главноуправляющимъ духовными дѣлами, но и министромъ народнаго просвѣщенія. Характеромъ Дмитрій Николаевичъ былъ добръ, мягокъ, но по этому самому нерѣдко мнителенъ и очень часто нерѣшителенъ; въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ составлялъ рѣзкую противоположность съ твердою натурою Сѣмашки.

Естественно, что на этомъ послѣднемъ лежало и все дѣло, за которое и принялся онъ съ ревностію, потому что хотя въ указѣ 22-го апрѣля и было нѣчто излишнее и много недостававашаго противъ его предположеній, онъ хорошо понималъ, что этотъ указъ былъ, по его же словамъ, „совершенная ломка стараго зданія и сооруженіе новаго“. Въ коллегіи онъ обезпечилъ себя тѣмъ, что по его ходатайству Шишковъ, оставляя министерство, испросилъ разрѣшеніе Государя не производить на наступающее тогда трехлѣтіе выбора новыхъ членовъ въ коллегію: Сѣмашко опасался назначенія латинствующихъ фанатиковъ.

„Исполненіе по всѣмъ частямъ“, пишетъ преосвященный Іосифъ въ своихъ запискахъ, „шло быстро, дѣятельно. Бѣлое духовенство и учебный составъ горѣли ревностію. Не сдѣлалось только, что было свыше силъ, и что по своему существу и даже по правительственнымъ предположеніямъ предоставлялось времени. Почтенный митрополитъ, какъ и всегда, былъ въ страдательномъ положеніи. Только добрый епископъ Мартусевичъ маневрировалъ, но очень осторожно. Монашество однако же базилианское дѣлало порядочную оппозицію, и не удивительно: оно было духомъ и составомъ римско-католическое и отстаивало свою самобытность. У меня лежатъ передъ глазами замѣтки о бывшихъ неоднократныхъ выговорахъ провинціаламъ Жарскому и Мудровичу за ихъ противузаконные поступки. Противу базилианъ, какъ и въ первыхъ основныхъ мѣрахъ униатскаго дѣла, дѣйствовало было сообразно папскимъ булламъ и постановленіямъ. При томъ, базилиане не имѣли никакого вліянія на бѣлое униатское духовенство, напротивъ были съ нимъ въ постоянномъ антагонизмѣ. Поэтому оппозиція базилианъ не имѣла почти никакого вреднаго дѣйствія“.

Еще въ январѣ 1828 года Сѣмашко представилъ записку о томъ, чтобы дозволено было базилианамъ, принадлежащимъ къ разнымъ латинскимъ монашескимъ орденамъ, возвращаться въ эти ордена, выходя изъ базилианскаго; онъ думалъ, что если это имъ будетъ позволено, то они охотно возвратятся въ прежній свой обрядъ; полагалъ также нужнымъ постановить, чтобы тѣ изъ базилианъ-латинякъ, которые не оставались десяти лѣтъ въ базилианскомъ ордени, обязаны были его оставить. Въ августѣ того же года утверждено было Государемъ постановленіе греко-уніатской коллегіи о томъ, чтобы увольнять монаховъ, поступившихъ изъ римскаго обряда въ греко-уніатское монашество, которые изъявятъ желаніе его оставить, и чтобы архіереи не посвящали никого въ духовныя степени уніатскаго монашества безъ предварительнаго разсмотрѣнія консисторіи. По мѣра эта не имѣла всѣхъ тѣхъ послѣдствій, которыхъ отъ нея ожидали: оставили добровольно базилианскій орденъ не болѣе 50 монаховъ¹⁾.

Въ видахъ усиленнаго исполненія всѣхъ мѣропріятій по уніатскому дѣлу, Сѣмашко представлялъ о необходимости измѣненія состава уніатскихъ консисторій. „Навѣрно можно утверждать“, — писалъ онъ, — „что всѣ распоряженія коллегіи останутся втунѣ, если консисторіи, по своему духу или чуждому влиянію, не будутъ въ состояніи исполнять своего долга съ дѣятельностію, усердіемъ, твердостію и силою“. На основаніи его соображеній послѣдовало въ октябрѣ 1828 года Высочайшее повелѣніе, чтобы сами консисторіи (а не епископы, какъ было дотолѣ) избирали кандидатовъ въ свои члены въ двойномъ числѣ, преимущественно изъ достойныхъ соборныхъ протоіереевъ, извѣстныхъ „по точному соблюденію въ совершенной чистотѣ какъ догматовъ, такъ и обрядовъ греко-уніатской церкви“; епископамъ же предоставлялось право не только утверждать одного изъ представленныхъ консисторіей кандидатовъ, но и отвергать обоихъ, объясняя причины; тогда должны были дѣлаться новые выборы, и если епископъ опять съ ними не согласится, то дѣло поступаетъ чрезъ коллегію на разрѣшеніе главнаго управленія. Въ консисторію былъ допущенъ, по назначенію архіерея и съ утвержденія коллегіи, одинъ представитель базилианскаго ордена „изъ тѣхъ настоятелей, которые наиболѣе отличаются преданностію къ постановленіямъ церкви, строго соблюдаютъ во ввѣренныхъ имъ монастыряхъ чинъ греческаго богослуженія и уже на опытѣ доказали свое радѣніе о благосостояніи управляемыхъ ими

¹⁾ Всѣхъ базилианъ въ то время было 666 человекъ.

обителей“. Вслѣдъ за этимъ составлена была подробная инструкция провинціаламъ, по которой они почти ничего не могли предпринимать безъ разрѣшенія консисторіи.

Такимъ образомъ, прежде всего нужно было очистить составъ консисторій, и когда онъ станетъ благонадежнымъ, подчинить имъ вполнѣ монашество чрезъ особыхъ представителей. Все это, очевидно, сдѣлано было такъ потому, что на тогдашнихъ уніатскихъ епископовъ и монашество разчитывать было невозможно.

Въ томъ же 1828 году обращено было вниманіе на очищеніе уніатскихъ богослужебныхъ книгъ, до того разнообразныхъ, что даже не было единства въ тѣхъ, которыя печатались въ двухъ существовавшихъ тогда въ Россіи уніатскихъ типографіяхъ, при Почаевскомъ и Виленскомъ базилианскихъ монастыряхъ. Еще въ 1720 году Замоискій синодъ обратилъ вниманіе на этотъ предметъ и положилъ издать особый службникъ и обрядникъ, запретивъ архіереямъ одобрять къ печатанію не сходныя съ ними книги. Но это положеніе никогда не было приведено въ исполненіе, и это понятно: всякое неизмѣнное въ этомъ отношеніи правило помѣшало бы Римскому двору олатинивать унію — введеніемъ въ нея своихъ обрядовъ и искажать восточное богослуженіе, а въ этомъ-то именно и состояла цѣль его дѣйствій. Этимъ путемъ и были искажены въ уніи восточные обряды, охранять которые торжественно обѣщали папы, и это искаженіе проявилось въ разнообразіи испорченныхъ богослужебныхъ книгъ. Достояннѣйшіе іерархи греко-уніатской церкви всегда старались объ очищеніи богослуженія. Еще въ 1785 и послѣдующихъ годахъ архіепископъ Полоцкій, Лисовскій, представлялъ папѣ объ уничтоженіи тѣхъ перемѣнъ въ славянскихъ обрядахъ богослуженія, которыя были послѣдствіемъ Замоискаго собора; съ согласія папы, составилъ онъ службникъ и послалъ на разсмотрѣніе въ Римъ, съ приложеніемъ къ славянскому тексту и перевода литургіи св. Іоанна Златоустаго на латинскій языкъ. Дѣло это, конечно, осталось не разрѣшеннымъ; но оно заслуживаетъ вниманія и въ томъ, между прочимъ, отношеніи, что архіепископъ Лисовскій, приписывая по справедливости большую часть латинскихъ нововведеній въ унію базилианамъ, въ сношеніяхъ своихъ съ кардиналами римской церкви прямо поставлялъ имъ на видъ, что и прибавленіе въ символѣ вѣры *и Сына* (*Filioque*), и возглашеніе имени папы во время богослуженія принадлежатъ къ числу измѣненій, сдѣланныхъ въ позднѣйшія времена; по своей снархіи онъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы сначала помнилось ими государи, а потомъ уже папы.

Нужно было положить конецъ порчѣ уніатскихъ богослужебныхъ книгъ; потому 24-го іюня 1828 года и послѣдовало Высочайшее повелѣніе печатать и перепечатывать книги, относящіяся къ богослуженію, обрядамъ и вообще къ благочинію уніатской церкви, не иначе какъ съ разрѣшенія коллегіи.

Столько важныхъ мѣръ по уніатскимъ дѣламъ, слѣдовавшихъ одна за другою и предвѣщавшихъ еще новыя въ послѣдствіи, не могли не взволновать всѣхъ латинствующихъ и возбудить ихъ противъ главнаго дѣльца — Сѣмашки. Ксендзы стали оскорблять престарѣлаго его отца, а базилиане доносить въ Римъ.

Какъ и всегда, этимъ монахамъ дороже всего были ихъ фондуши; они, разумѣется, знали, что толкуютъ объ отобраніи ихъ отъ нихъ и предоставленіи бѣлому духовенству, и поспѣшили прибѣгнуть подъ защиту папы, преувеличивая, и по обыкновенію, даже искажая значеніе послѣдовавшихъ распоряженій.

Въ концѣ 1828 и началѣ 1829 года кардиналъ Бернетти передалъ посланнику нашему въ Римѣ, князю Гагарину, двѣ ноты, въ которыхъ римскій дворъ протестовалъ противъ сокращенія числа уніатскихъ епархій, учрежденія будто бы двухъ митрополій, одна отъ другой независимыхъ, выставялъ гибель, которая произошла бы для уніи въ случаѣ, еслибъ были уничтожены нѣкоторые базилианскіе монастыри, такъ какъ, по мнѣнію Римскаго двора, бѣлое русское духовенство не можетъ удовлетворить религіознымъ потребностямъ уніатскаго народонаселенія по своему невѣжеству, бѣдности, домашнимъ занятіямъ и супружескому состоянію, и потому единственная поддержка, столпъ уніи — базилиане, которыхъ и должно охранять русское правительство. Кардиналъ Бернетти изъяснялъ опасеніе, чтобы возложенная на уніатскую коллегію обязанность блюсти постановленія этой церкви на точномъ основаніи буллы 1595 года, положившей начало уніи, не послужила къ поколебанію позднѣйшихъ распоряженій по ней папъ, объясняя, что Климентъ VIII, утвердивъ для уніатовъ богослуженіе и обряды восточной церкви, предоставилъ исправить въ нихъ все могущее мѣшать самому соединенію, что многіе русскіе уніаты продолжали слѣдовать правиламъ, ученію и обыкновеніямъ, противнымъ римско-католическому вѣроисповѣданію, и что все это отклонено Замоискимъ соборомъ. Но что всего было непріятнѣе для Римскаго двора, это то, что русское правительство нашло возможнымъ обойтись безъ него, издавая столь важныя постановленія по греко-уніатской церкви.

Сѣмашкѣ поручено было написать возраженія на эти ноты. Не трудно было это ему сдѣлать; но какъ видно, ему оскорбительно было, что правительство даетъ себѣ трудъ отвѣчать на эти ноты. „Правительству“, писалъ онъ Д. Н. Блудову, „неприлично входить съ Римскимъ дворомъ въ изъясненія, а тѣмъ паче пренія по настоящему болѣе богословскому, нежели политическому предмету“. Тѣмъ не менѣе, онъ исполнилъ возложенное на него порученіе и представилъ пространную записку. „Если бы благосостояніе Россіи“, писалъ онъ, „могло заслуживать уваженіе римскаго монарха, то довольно бы сказать, что польза государства требуетъ, чтобы полтора милліона истинно русскаго народа не были измѣняемы въ иностранцевъ посреди собственнаго отечества. Но для Римскаго двора нужны другія причины. Итакъ, слѣдовало бы обратить вниманіе онаго на собственныя его постановленія, воспрещающія совращеніе уніатовъ въ латинство“. Затѣмъ, онъ приводитъ эти постановленія, доказываетъ, что они исполнены не были, и что затѣмъ ничего болѣе не остается, какъ заняться этимъ самому правительству. Что касается до Замойскаго собора, на который сослался кардиналь Бернетти, то вотъ какое было его о немъ мнѣніе: „Русскій народъ съ епископами, приступая къ уніи, безъ сомнѣнія, не думали, что когда-нибудь помѣстный Замойскій соборъ, дерзнувъ возстать противъ постановленій собора, почитаемаго вселенскимъ, и столькихъ папъ, посягнетъ на это священное достояніе. Довольно взглянуть на учрежденія Замойскаго собора, чтобъ убѣдиться, какъ мало онъ имѣлъ въ виду блюсти истинныя основанія своего греко-восточнаго обряда. Здѣсь всюду встрѣчаются постановленія западной церкви, и въ самыхъ ссылкахъ приводятся почти исключительно западныя соборы и учрежденія. Такое нарушеніе Замойскимъ синодомъ основныхъ постановленій своей церкви не одобрено самимъ Римскимъ дворомъ. Послѣ четырехлѣтняго разсмотрѣнія, утверждая постановленія сего синода, онъ объявляетъ, что такимъ учрежденіемъ не отмѣняются постановленія вселенскихъ соборовъ и папъ относительно греческихъ обрядовъ, а напротивъ, они должны оставаться во всей силѣ. Слѣдовательно, всѣ нововведенія Замойскаго синода остались безъ законной силы и не могутъ считаться обязательными для уніатской церкви. Это-то, безъ сомнѣнія, и было причиною того, что учрежденія этого синода не приведены до сихъ поръ въ общее употребленіе и дѣйствіе, а только вводимы были постепенно въ разныхъ мѣстахъ, сколько тому способствовало, при другихъ обстоятельствахъ, вліяніе базилианъ и римскаго духовенства; и противъ этихъ-то сто-

ронныхъ средствъ и своевольства необходимо Высочайше порученное греко-унитской коллегіи наблюдение“. Не только не было учреждено двухъ унитскихъ митрополій, но и одна существовавшая обращена въ обыкновенную епархію, значить, по этому предмету свѣдѣнія Римскаго двора оказались положительно невѣрными, точно также какъ и о недостаточности двухъ епархій для уніатскаго народонаселенія, потому что всѣхъ унитскихъ церквей было не болѣе 1.500. О базилианахъ нечего и говорить: „Не къ преуспѣянію, но развѣ къ разрушенію греко-уніатскаго обряда они способствовать могутъ“, замѣчалъ Сѣмашко; „едва въ шести или семи базилианскихъ монастыряхъ настоятелями были природные уніаты, остальные же всѣ — римско-католики.

Въ апрѣлѣ 1829 года Сѣмашко возведенъ былъ въ епископа Мстиславскаго, викарія Бѣлорусской епархіи, а въ августѣ посвященъ въ Петербургскомъ римско-католическомъ костелѣ св. Екатерины митрополитомъ Булгакомъ, епископомъ Мартусевичемъ и латинскимъ епископомъ Гедройцомъ. „Эта чуждая обстановка, признаюсь, была для меня весьма тягостна, но чтò же дѣлать?“ приписываетъ онъ; „это была необходимость, можетъ-быть, даже небезполезная для дѣла“.

Черезъ три дня послѣ посвященія, посвящавшіе и посвященный епископъ представлены были Государю 11-го августа въ Елагинскомъ дворцѣ. Эта въ высшей степени замѣчательная аудіенція тотчасъ же записана была преосвященнымъ, и я ничего не могу сдѣлать лучше, какъ выписать изъ записки о ней то, чтò наиболѣе заслуживаетъ вниманія. Къ Государю позванъ былъ прежде митрополитъ, потомъ епископъ князь Гедройць, и наконецъ преосвященный Мартусевичъ вмѣстѣ со вновь посвященнымъ епископомъ. „Митрополитъ возвратился въ такой радости“, — пишетъ преосвященный Іосифъ, — „въ какой я еще его не видѣлъ; но между тѣмъ видимо было и чрезвычайное изумленіе; послѣ ухода Гедройца, онъ имѣлъ только время повторить намъ слѣдующія слова, которыя, обнявъ его, сказалъ Государь: *„Помогай, помогай только мнѣ вести...“* Тутъ онъ остановился въ недоумѣніи.... *„Порядокъ въ уніатской церкви“*, подхватилъ я. *„Такъ“*, отвѣчалъ онъ, — и насъ позвали на верхъ въ боковую залу, возлѣ кабинета, вѣроятно, дабы послѣ ухода князя Гедройца не заставить Государя долго дожидаться. Мы не сошлись уже съ Гедройцемъ и застали Государя одного посреди своего кабинета. Во время нашего поклона, онъ нѣсколькими быстрыми шагами подошелъ къ намъ. *„Радъ познакомиться, преосвященный“*, привѣтствовалъ епископа Мартусе-

вича; „и съ вами, милостивый государь“, сказалъ онъ, живо наклонившись ко мнѣ цѣлымъ корпусомъ; „много, много о васъ хорошаго слышалъ“. Эти послѣднія слова сопровождалъ онъ значительнымъ и благосклоннымъ взглядомъ. Тутъ началъ онъ разговоръ, или вѣрнѣе, рѣчь о дѣлахъ нашей церкви. „Вы знаете, чѣмъ вы были прежде? Частицею греческой церкви; но сами завладѣли Поляки, вы подпали власти папы, и подверглись вліянію....“ Онъ изобразилъ вкратцѣ исторію уніи, ея начало, ея постепенный ходъ, и тѣ пружины, которыя, измѣнивъ въ ней и обряды, и постановленія греческой церкви, лишили насъ самостоятельнаго существованія и поставили почти въ совершенную зависимость отъ стороннихъ для нея лицъ и правилъ. „И вотъ что съ вами одѣлали“, заключилъ онъ тономъ особеннаго участія. Послѣ нѣсколькихъ словъ о нынѣшней нашей зависимости отъ римлянъ, прибавилъ съ твердостью: „Я не хочу, чтобы ваша церковь была переднею римскаго обряда; я хочу, чтобы каждая церковь заключалась въ собственныхъ своихъ предѣлахъ, не мѣшаясь въ дѣла другой“. Затѣмъ онъ коснулся послѣдовавшихъ у насъ нововведеній и изъявилъ повелительно свою волю, чтобы обряды и постановленія греческой церкви были хранимы неприкосновенно и возобновлены, гдѣ вывелись изъ обыкновенія. „Да это и не моя воля“, — сказалъ онъ, — „это воля вашего папы“. Здѣсь онъ упомянулъ о буллѣ 1595 года, обезпечивающей во всемъ пространствѣ древнее образование нашей церкви, и замѣтилъ, какъ самовольны были дѣйствія, ея измѣнившія. „Вы, перемѣнивъ кафтаны“, — сказалъ онъ далѣе, — „не должны считать себя перемѣнившимися; я хочу, чтобы вы были тѣмъ, чѣмъ были, и чѣмъ быть должны. Вы меня понимаете?“ спросилъ онъ епископа Мартусевича, устремивъ на него пронизательный взоръ. „Вы говорите по русски или по французски?“ добавилъ онъ, послѣ нѣкоторой остановки. „Но на первый разъ“, — продолжалъ онъ, — „вы должны привести въ дѣйствіе предварительныя мѣры по зоспитанію юношества и образованію духовенства“. Говоренное до сихъ поръ Государемъ могло бы назваться въ полномъ смыслѣ рѣчью, и рѣчью прекрасною; дальнѣйшая же часть аудіенціи была болѣе разговорная. „У васъ есть иконостасы?“ „Есть, но не всюду“. „А въ Полоцкѣ?“ „Есть“. „Имѣете ли ризницу?“ „Есть пожалованная покойнымъ Государемъ“. „Да, митрополиту Лисовскому. А вамъ ризница уже выдана?“ спросилъ онъ меня. „Нѣтъ“. „Да, дѣлается уже, дѣлается“, прервалъ онъ съ особенною благосклонностію. „Все ли совершилось при вашемъ посвященіи по греческому обряду?“ спросилъ онъ съ видимымъ не-

удовольствіемъ. „Все“, подхватилъ епископъ Мартусевичъ, „кромѣ того, что не было иконостаса“. „Да, я и проздомъ замѣчалъ, что у васъ все то же, что и у насъ. У меня есть около Динабурга поселенія, тамъ есть уніаты, они тотчасъ же начали ходить въ нашу церковь. Вотъ видите“, сказалъ онъ епископу Мартусевичу съ какою-то рѣшительностію, „что это можно сдѣлать. У васъ, кажется, есть алтари на сторонѣ?“ „Есть“. „Да, я видѣлъ въ Витебскѣ въ какой-то древней церкви. Это надобно вывести, разумѣется, не сейчасъ. Какъ у васъ въ епархіи?“ спросилъ онъ Мартусевича. „Довольно хорошо, только новыя учрежденія...“ „Да, теперь заводится порядокъ, все устривается. А по монастырямъ?“ „Кажется, все хорошо“. „Нѣтъ, не можетъ быть хорошо, пока у васъ будутъ римляне. Тогда будетъ хорошо, когда ваше монашество составитъ изъ особъ вашего же обряда. У меня есть еще къ вамъ... у васъ духовенство, такъ какъ и у насъ, довольно запущено; вы должны стараться очистить его отъ лицъ развратныхъ и недостойныхъ этого званія. Вы должны особенно дѣйствовать посредствомъ новоустриваемыхъ для духовнаго юношества училищъ, и по правиламъ, для нихъ назначеннымъ. Вы знаете, сколько добра можетъ произвести въ народъ просвѣщенное и благонамѣренное духовенство. Я желаю также, чтобы къ духовному сану не было никакого принужденія; тѣ, которые не имѣютъ... vocation, не могутъ быть въ немъ полезны. Примѣромъ этому римскій обрядъ. Они, чтобы не подвергнуть монастырей уничтоженію, которое по силѣ буллъ должно послѣдовать, если въ нихъ нѣтъ двѣнадцати монашествующихъ, набирали всякую сволочь, и вотъ какой вышель развратъ, напримѣръ, въ Вильнѣ. У нихъ много монастырей, въ которыхъ не болѣе двухъ или трехъ монаховъ. Я говорилъ о томъ епископу Гедройцу. Онъ согласенъ, что такіе нужно уничтожить. Ваши церкви и ваше духовенство бѣдны“, сказалъ онъ далѣе; „но мы этому поможемъ со временемъ“. Тутъ епископъ Мартусевичъ вспомнилъ что-то о помѣщикахъ, кажется, въ отношеніи фундушей. „Помѣщики!“ прервалъ Государь, съ какимъ-то презрительнымъ соболѣзнованіемъ; „пусть они будутъ писцами, когда хотятъ, но пусть“, — продолжалъ съ жаромъ, — „не мѣшаются не въ свое дѣло. Вы не опасайтесь и происковъ римскихъ поповъ, ни даже какихъ-либо... изъ Рима... Россія сильна“, — сказалъ онъ съ видомъ гордости, — „дабы васъ защитить, и я въ этомъ ручаюсь. Мы все устроимъ. Я говорилъ съ митрополитомъ. Онъ, кажется, думаетъ то же, что и мы, и вѣрно намъ поможетъ. Ста-

райтесь, старайтесь, чтобы все было хорошо, а за мною не будетъ остановки. Прощайте, до свиданья“, сказалъ онъ рѣзко, съ легкимъ наклоненіемъ головы, и удалился къ среднѣ кабинета, а мы вышли съ низкимъ поклономъ“.

Независимо отъ обширной дѣятельности по униатской коллегіи, Сѣ-машкѣ поручались также дѣла по римско-католической церкви, передавались на предварительное разсмотрѣніе бумаги, получаемыя изъ Рима, и онъ составлялъ о нихъ обширныя записки для главноуправляющаго.

Въ это же время онъ успѣлъ перевести на польскій языкъ сочиненіе митрополита Филарета: „Разговоры между испытующимъ и увѣреннѣмъ о православіи греко-россійскія восточныя церкви“. Переводъ этотъ напечатанъ былъ отъ имени Иннокентія, тогда инспектора С.-Петербургской академіи, и съ предисловіемъ, имъ подписаннымъ. Вотъ что говоритъ объ этомъ трудѣ преосвященный Іосифъ: „Сочиненіе это, можетъ-быть, слабое для православныхъ, весьма впечатлительно для иновѣрцевъ. Я испыталъ это на себѣ, испыталъ послѣ и на прочемъ униатскомъ духовенствѣ. Я предложилъ его напечатать и распространить, о чемъ было совѣщаніе между митрополитомъ Филаретомъ, Д. Н. Блудовымъ и мною. Все устроилось по моей мысли, даже нѣсколько фразъ, прибавленныхъ, по желанію Блудова, къ сочиненію мною предисловію отъ издателя, были исключены. Не помню, было ли это первое мое свиданіе съ митрополитомъ Филаретомъ, или же установились уже тогда бывшія послѣ постоянными общія наши совѣщанія по важнѣйшимъ дѣламъ, по настоянію моему, чтобы мѣры, принимаемыя по униатскому вѣдомству, принимаемы были въ соображеніе и по управленію православной церкви. Достоинъ замѣчанія секретъ, соблюденный относительно этого перевода. Онъ напечатанъ, по моему указанію, подъ яменемъ инспектора академіи, бывшаго послѣ знаменитаго Херсонскаго архіепископа Иннокентія. Этотъ анонимъ утвердился вполне, и преосвященный Иннокентій прослылъ знаткомъ польскаго языка. Въ коронаціонное время, въ Москвѣ, въ 1856 году, самъ преосвященный Иннокентій говорилъ мнѣ серьезно о переводѣ „Разговоровъ“, какъ о важнѣйшемъ дѣйствіи первоначальнаго своего служенія, и можетъ-быть, только изъ моихъ настоящихъ записокъ откроется истина, если только запискамъ этимъ суждено попасть въ добрыя, благородныя руки. Впрочемъ, не одно это мое дѣйствіе оставалось въ свое время въ невѣдѣніи, для лучшаго успѣха добраго дѣла. Выдвинетъ ли Господь Богъ и добрые люди изъ-подъ спуда и мои добрыя дѣла?“

Вспоминая о дѣятельности своей въ 1828 и 1829 годахъ, преосвященный говоритъ: „Я въ жизни своей не помню времени, въ которое имѣлъ бы болѣе трудовъ и хлопотъ, какъ въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ. Не напрасно исхудалъ я за это время и казался столь болѣзненнымъ, что при возведеніи меня въ санъ епископа говорили: „Напрасно его посвящаютъ, ему жить недолго“.

Послѣ посвященія во епископа, преосвященный Іосифъ нашелъ нужнымъ лично посѣтить епархію, чтобы посмотрѣть, какъ приняты и исполняются новыя правительственныя мѣры, узнать, какое онѣ произвели впечатлѣніе и какія можно имѣть надежды на успѣхъ, познакомиться съ личнымъ составомъ духовенства, и вообще для того, чтобы собрать матеріалы для вѣрнаго дѣйствованія въ послѣдствіи. Въ мартѣ 1830 года онъ отправился въ Полоцкъ и Жировицы, оттуда дѣлалъ поѣздки по сторонамъ, чтобы видѣть монастыри, въ которыхъ предполагалось открыть духовныя училища, и возвратился въ Петербургъ въ началѣ сентября.

Бѣлорусская семинарія въ Полоцкѣ существовала уже 24 года, Литовская же открыта была въ Жировицахъ только за два года передъ тѣмъ. Управление въ нихъ положено было ввести по уставу православныхъ духовныхъ семинарій. Особенное вниманіе было обращено на изученіе русскаго языка. Не смотря на недавнее свое существованіе, Жировицкая семинарія найдена была въ несравненно лучшемъ состояніи, чѣмъ Полоцкая, собственно потому, что ректоръ ея, Антоній Зубко (въ послѣдствіи православный епископъ Минскій), былъ искренно и сознательно проникнутъ важностію и необходимостію дѣлаемыхъ въ униатской церкви преобразованій, тогда какъ епископъ Мартусевичъ всѣми способами имъ противодѣйствовалъ. Правда, болѣе успѣховъ было въ знаніи русскаго языка въ Полоцкой, чѣмъ въ Жировицкой семинаріи, но это только по смежности бѣлорусскихъ губерній съ великороссійскими, отчего въ нихъ вообще русскій языкъ распространенъ гораздо болѣе, чѣмъ въ губерніяхъ литовскихъ. За то въ низшихъ классахъ Жировицкой семинаріи, гдѣ преподаваніе началось по новымъ программамъ, успѣхи учениковъ, въ какіе-нибудь два года, были поразительны. Въ особенноти духъ и направленіе этой семинаріи рѣзко отличали ее отъ Полоцкой. Какъ въ той, такъ и въ другой былъ чувствительный недостатокъ въ хорошихъ преподавателяхъ и въ русскихъ учебныхъ руководствахъ, преимущественно по богословскимъ предметамъ; оттого, по необходимости, нужно было оставить на нѣкоторое время изложеніе этихъ наукъ на латинскомъ языкѣ.

Въ то время и въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ западнаго края стали вводить преподаваніе на русскомъ языкѣ. Польскіе магнаты сильно этому противодействовали, увѣряя, что при такомъ ученіи, науки будто бы не будутъ понятны ученикамъ, и преосвященный замѣтилъ, что русскій языкъ началъ уже ослабѣвать. Любопытенъ взглядъ его на этотъ важный предметъ: „Что мы называемъ отечественнымъ языкомъ? Это языкъ, употребляемый массою какого-либо народа. Но въ такъ-называемой еще доннѣ Русскими Польшѣ, губерніи: Кіевская, Подольская, Волынская, Гродненская, Минская, Могилевская, безъ мала Витебская, отчасти даже Виленская и Бѣлостокская область заселены народомъ русскимъ по языку и происхожденію; почти вся Виленская и три уѣзда Витебской — Чухнами, Латышами и Самогитами, столь же мало понимающими по польски, какъ и по русски. Итакъ, для считаемаго въ тѣхъ странахъ отечественнымъ польскаго языка остается городъ Вильно, и то не безъ исключенія, небольшія его окрестности, часть Бѣлостокской области, а также помѣщики и нѣсколько мелкой шляхты. Не съ большею ли справедливостію можно сказать, что употребленіе для преподаванія польскаго языка можетъ замедлить ходъ просвѣщенія въ западныхъ губерніяхъ? Главное тутъ препятствіе въ многочисленной ученой кастѣ, для которой польское воспитаніе есть ремесло, служащее къ пропитанію, и въ той партіи, которая составлена или изъ пламенныхъ патріотовъ, ожидающихъ возвращенія Польши, какъ земли обѣтованной, или находящихъ выгоды въ томъ, чтобы восемь русскихъ губерній были нѣкоторымъ образомъ колоніями маленькаго польскаго царства“.

Донесеніе свое объ обзрѣніи семинарій преосвященный заключилъ слѣдующими словами: „Преобразование греко-унитской церкви началось съ самымъ благоприятнымъ успѣхомъ, больше даже, нежели можно было ожидать. Оно будетъ продолжаться съ подобнымъ же успѣхомъ, ежели еще на нѣкоторое время не касаться слишкомъ сильно обрядовъ и другихъ внѣшностей, всякаго изъ уніатовъ лично задѣвающихъ. Главное: поставитъ все дѣло на мѣрѣ, чтобъ оно уже не могло вспять подвпнуться“.

Черезъ тридцать слишкомъ лѣтъ, вспоминая объ этомъ путешествіи, преосвященный отмѣтилъ: „Путешествіе это весьма благотѣльно подѣйствовало на возстановленіе моего здоровья. Все приносило мнѣ истинное удовольствіе: и успѣхъ новыхъ правительственныхъ мѣръ, и надежда на хорошее будущее, и нелицемѣрная признательность

блага духовенства, вызываемаго къ новой жизни, и довѣренность, съ которою принимались мои наставленія, внушенія и распоряженія“.

Въ 1830 году открыты были духовныя училища Толочинское и Кобринское, а въ слѣдующемъ — Бобруйское. Еще до поѣздки преосвященнаго, назначена была сумма на заведеніе при Полоцкой семинаріи академическихъ курсовъ, и на счетъ ея отправлены были молодые люди греко-унитскаго исповѣданія, для высшаго образованія, два въ С.-Петербургскій и четыре въ Московскій университеты, и четыре въ С.-Петербургскую духовную академію, что продолжалось и въ послѣдствіи, „такъ что“ — замѣчаетъ преосвященный — „учрежденіе въ Полоцкѣ академіи оказалось излишнимъ, и къ лучшему“. Это, какъ помнимъ, была всегдашняя мысль преосвященнаго Юсіфа.

Въ 1830, 1831 и 1832 годахъ правительство не дѣлало общихъ распоряженій по уніатскому дѣлу. Хотя въ это время приняты были нѣкоторыя важныя мѣры, но онѣ не истекали органически изъ общей системы, а произошли случайно, вслѣдствіе польскаго мятежа. Такими были: 1) закрытіе въ юго-западномъ краѣ свѣтскихъ училищъ содержимыхъ базилианами, 2) передача Почаевскаго монастыря въ православное вѣдомство и 3) распоряженіе о возстановленіи восточнаго обряда въ уніатскихъ монастыряхъ. Предписаніе объ этомъ уніатской коллегіи послѣдовало вслѣдствіе замѣчанія, сдѣланнаго самимъ Государемъ. Проѣздомъ чрезъ Умань, когда Государь прикладывался ко кресту, уніатскій игумень, съ крестомъ въ рукахъ, возгласилъ по латыни: „vivat rex in aeternum“. По поводу этого случая коллегія предписала какъ бѣлому, такъ и монашествующему духовенству, чтобы при совершеніи богослуженія и прочихъ священныхъ обрядовъ не употреблять другаго языка, кромѣ природнаго славянскаго, въ проповѣдяхъ же и обученіи закону Божию — мѣстное нарѣчіе. вмѣстѣ съ тѣмъ запрещено было духовенству дѣлать священническія облаченія, подходящія къ облаченіямъ западной церкви или сходныя съ ними.

Въ теченіе вышеупомянутыхъ трехъ лѣтъ уніатское дѣло какъ-бы остановилось; причиною этому былъ польскій мятежь, обратившій заботы правительства на другіе предметы. „Я не безпокоился этимъ въ началѣ“, — пишетъ преосвященный Юсіфъ, — „надѣясь, что мятежь еще болѣе убѣдитъ правительство въ необходимости подавить полонизмъ въ западныхъ губерніяхъ, а тѣмъ самымъ еще ускорить въ послѣдствіи уніатское дѣло“.

Но терпѣніе вскорѣ оставило преосвященнаго: видя застои, онъ

отчаялся было въ исходѣ дѣла, опасаясь, что оно приметъ ложное направленіе. Первоначальнымъ поводомъ къ такому настроенію мыслей преосвященнаго послужила командировка въ 1832 году члена коллегіи, бывшаго базилианскаго провинціала, архимандрита Іоасафата Жарскаго, для осмотра монастырей. Жарскаго подозрѣвали въ сношеніяхъ съ польскими мятежниками; такого мнѣнія о немъ былъ и Витебскій генераль-губернаторъ, князь Хованскій; повидимому, и главное управленіе не было въ немъ вполне увѣрено, потому что, во время самой этой командировки, поставило его подъ секретный надзоръ полиціи. Преосвященный Іосифъ былъ въ высшей степени раздраженъ, что на этого человѣка возлагали такое важное порученіе, и это тѣмъ болѣе, что ему, вѣроятно, было извѣстно, что князь Хованскій, какъ это видно изъ дѣлъ, просилъ поручить эту ревизію самому преосвященному. Въ послѣдствіи, онъ хладнокровнѣе взглянулъ на дѣло, и хотя сохранилъ дурное мнѣніе о Жарскомъ, но уже по другимъ причинамъ. Онъ такъ описываетъ эту личность: „Жарскій вызванъ въ Петербургъ въ апрѣлѣ 1831 года, подъ предлогомъ объясненія по дѣламъ; настоящимъ же поводомъ было подозрѣніе генераль-губернатора Храповицкаго въ соумышленіи его съ мятежниками. Храповицкій понуждалъ его къ выѣзду, но онъ сказался больнымъ и прибылъ въ Петербургъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ, уже послѣ совершеннаго укрощенія польскаго мятежа. До мятежа, Жарскій ѣздилъ въ Варшаву, за чѣмъ получилъ строгій выговоръ. Справедливо ли подозрѣніе, будто Жарскій былъ въ связяхъ съ мятежниками,—не знаю. Я скорѣе готовъ полагать, что онъ ѣздилъ въ Варшаву, чтобы выхлопотать у Новосильцова покровительство базилианскому ордену ¹⁾, а чиновники Новосильцова слыли продажными. Мнѣ было извѣстно, что Жарскій и на мѣстѣ, и въ Петербургѣ постоянно понуждалъ монастыри, чтобъ ему слали да слали деньги. Я зналъ, что онъ не разборчивъ ни въ цѣляхъ, ни въ средствахъ, и даже не фанатикъ, даже слылъ вольнодумцемъ, и скорѣе руководствовался интересомъ да полонизмомъ, нежели религіозностію. И этотъ-то человѣкъ, подъ покровомъ Новосильцова, бывшаго уже въ силѣ въ Петербургѣ, втерся въ дѣла, и этого человѣка назначили членомъ коллегіи, и ему поручили осмотръ

¹⁾ Предположеніе это, повидимому, основательно. Въ канцеляріи оберъ-прокурора св. синода сохранилось всеподданнѣйшее прошеніе, поданное Жарскимъ еще въ 1828 году, въ которомъ онъ говоритъ, что узнавъ о намѣреніи правительства отнять у базилианъ ихъ фондуши, онъ проситъ отдать это дѣло на разсмотрѣніе Великаго Князя Цесаревича. Просьба эта оставлена была безъ уваженія.

базиліанскихъ монастырей! Я не безпокоился бы, если бы зналъ, что это порученіе кончится только фипапсовою спекуляціей. Я уже въ послѣдствіи узналъ, будто Жарскій выжималъ что могъ изъ монастырей, даже возилъ съ собою ювелира и прибиралъ будто къ рукамъ драгоценныя камни, замѣняя ихъ стеклышками. Но тогда я не зналъ этого и началъ серьезно безпокоиться, опасаясь, что Жарскій увлечетъ митрополита, дѣйствительно, едва-ли не болѣе приверженнаго къ базиліанамъ, нежели къ униі; что онъ, во время всемѣстныхъ объѣздовъ по монастырямъ, разсѣетъ вредныя униатскому дѣлу вѣсти и внушенія и парализируетъ посѣянное въ мою поѣздку; что базиліанское монашество возьметъ верхъ, и все пойдетъ по прежнему, въ духѣ латинянь, съ которыми Жарскій тоже могъ согласоваться во время своего объѣзда“.

Высшее направленіе униатскаго дѣла тоже не согласовалось со взглядами преосвященнаго. Въ началѣ 1832 года Д. Н. Блудовъ назначенъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, и духовныя дѣла иностранныхъ исповѣданій присоединены были къ этому министерству, въ отдѣльномъ департаментѣ; они были только ничтожною частію его многосложныхъ занятій. Притомъ дѣла эти совокуплены были съ дѣлопроизводствомъ по римско-католическому вѣроисповѣданію, и преосвященный сталъ опасаться, чтобъ одни не парализовали другихъ; онъ даже думалъ, что Жарскій былъ употребленъ въ видѣ сдѣлки съ римско-католиками, что униатское дѣло пойдетъ въ проволочку и навѣрно не достигнетъ предполагаемой цѣли. На управляющаго департаментомъ Вигеля преосвященный смотрѣлъ, какъ на человека свѣтскаго, ведшаго жизнь салонную, не занимавшагося вовсе и не могшаго заниматься дѣлами, а сдавнаго ихъ совершенно одному изъ подчиненныхъ чиновниковъ.

Между тѣмъ десятки тысячъ римско-католиковъ, проживавшихъ въ С.-Петербургѣ, конечно, имѣли между собою людей вліятельныхъ, которые могли мѣшать очищенію униі. На самыхъ мѣстахъ оно должно было встрѣтить сопротивленіе со стороны польскихъ помѣщиковъ, у которыхъ униаты были въ крѣпостной зависимости, и отъ сильныхъ ксендзовъ. Въ западномъ краѣ русскія начала не имѣли тогда почти никакой опоры. Базиліанскіе монастыри оставались по прежнему, и упраздненіе ихъ было отклонено. Однимъ словомъ, повсюду было видно противодѣйствіе, и вовсе не замѣчалось отпора ему и положительнаго дѣйствованія правительства. Слышно стало только объ отдѣльныхъ попыткахъ частныхъ лицъ и мѣстной администраціи въ Вѣлоруссіи

присоединять нѣкоторые униатскіе приходы къ православію, средствами неразборчивыми, что производило одни неудовольствія и опасенія и вовсе не входило въ планы преосвященнаго Іосифа.

„Настало для меня время скорби, а для дѣла опасное колебаніе“, замѣчаетъ преосвященный. Въ началѣ 1832 года онъ рѣшился просить объ увольненіи изъ коллегіи и о дозволеніи отправиться жить въ свою снархію. „Должность сія“,— писалъ онъ Д. Н. Блудову,— „сколько показалъ двухлѣтній опытъ, не доставляя никакого способа быть полезнымъ, только подвергаетъ меня отвѣтственности за чужія дѣйствія и бездѣйствіе“. Министръ убѣдилъ его остаться, но успокоить не могъ.

„Находясь два года“,— какъ онъ говорилъ,— „въ положеніи, лишившемъ меня почти совершенно возможности дѣйствовать успѣшно по униатскому дѣлу, нынѣ оставленному и колеблющемуся“, онъ подалъ министру сильную записку, въ которой изложилъ весь ходъ этого дѣла, тогдашнее его положеніе и опасенія за будущее, и окончилъ ее слѣдующими словами: „Въ продолженіе пяти лѣтъ я привыкъ видѣть въ этомъ дѣлѣ цѣль моей жизни. Существенною для меня наградой, единственнымъ ободреніемъ была мысль, что я нѣкогда съ сердечнымъ удовольствіемъ буду въ состояніи сказать словами святаго Сумеона: «Нынѣ отпущаеши раба твоего, Владыко, по глаголу твоему съ миромъ, яко видѣста очи мои спасеніе Твое». Горько, горько было бы расстаться съ сею надеждою“.

Преосвященный Іосифъ былъ въ какомъ-то отчаяніи, и дѣйствительно, предложилъ, такъ-сказать, отчаянную мѣру: оставляя униатскую коллегію на прежнемъ основаніи, подчинить ее св. синоду, а униатскія церкви присоединять постепенно къ православнымъ епархіямъ. Подчиненіе это должно было быть не духовное, такъ какъ униа должна была бы продолжать существовать, а гражданское или административное, такъ что по предметамъ чисто духовнымъ, какъ то: за мѣромъ и посвященіемъ въ духовный санъ униатское духовенство обращалось бы по прежнему къ униатскимъ архіереямъ. Само собою, св. синодъ никогда не могъ бы согласиться завѣдывать дѣлами духовенства, признающаго догматы не православной, а римско-католической церкви. Въ этомъ проектѣ трудно даже узнать просвѣщеннаго, осмотрительнаго и дальновиднаго епископа Іосифа; нужно было быть въ какомъ-то нравственно-болѣзненномъ состояніи, чтобы предложить подобныя мѣры. Но въ то время онъ до такой степени былъ убѣжденъ въ возможности осуществленія своихъ крайнихъ мыс-

лей, что заготовили даже проект Высочайшаго указа о подчиненіи коллегіи св. синоду. Прочитавъ эту записку, Государь сказалъ Блудову: „Это обвинительный актъ противъ меня и тебя“.

Вскорѣ послѣ этого онъ представилъ другую записку, въ которой настаивалъ на скорѣйшемъ упраздненіи базилианскихъ монастырей, на уничтоженіи права ктиторства, конемъ злоупотребляли польскіе помѣщики, на запрещеніи униатскому духовенству служить въ костелахъ и на замѣнѣ нѣкоторыхъ высшихъ духовныхъ лицъ, пропитанныхъ латинизмомъ, настоящими униатами. Онъ такъ былъ увѣренъ, что всѣ эти мѣры тогда же будутъ приняты правительствомъ, что приложилъ также проекты Высочайшихъ указовъ о каждой изъ нихъ.

Между тѣмъ возвратился изъ своей командировки архимандритъ Жарскій. Незвѣстно, что говорилъ и дѣлалъ онъ на мѣстахъ, но въ донесеніи своемъ коллегіи онъ добросовѣстно изложилъ все, что видѣлъ въ 37 осмотрѣнныхъ имъ базилианскихъ монастыряхъ. Онъ нашелъ только въ 12-ти изъ нихъ чинъ богослуженія восточной церкви во всей чистотѣ, въ шести — только отчасти, а въ 19-ти богослуженіе было искажено значительною латинско-польскою примѣсью; въ церквахъ многихъ изъ нихъ не было царскихъ вратъ, иконостасовъ, за то заведены были органы, пѣли *годзинки*, *рожаницы* и разныя молитвы на польскомъ и латинскомъ языкахъ, священныя одежды скроены были по образцу латинскихъ, такъ что униатскіе духовные обратились, по словамъ Жарскаго, въ какихъ-то „обрядовыхъ арлекиновъ“. Вотъ какъ, напримѣръ, отправлялось богослуженіе: священникъ начиналъ литургію пѣніемъ: „O salutaris Hostia“; потомъ служилъ обѣдню на славянскомъ языкѣ; затѣмъ пѣлъ общую молитву (*supplicatio*) по польски и наконецъ оканчивалъ пѣніемъ: „Salvum fac populum tuum, Domine“. Эта смѣсь двухъ различныхъ богослуженій вводилась подъ предлогомъ соединенія церквей; если это такъ, то для чего же, замѣчалъ Жарскій, римско-католическіе священники, не только въ своихъ костелахъ, но даже служа въ греческихъ церквахъ, не поютъ прежде на славянскомъ языкѣ: „О спасительная Жертва“, а потомъ, отслуживъ обѣдню на латинскомъ языкѣ, не оканчиваютъ молитвою: „Спаси, Господи, люди Твоя“, а всегда отправляютъ богослуженіе на принятомъ языкѣ?

Донесеніе Жарскаго успокоило на время преосвященнаго: онъ находилъ его ничтожнымъ, но не вреднымъ. Разсмотрѣвъ это донесеніе, униатская коллегія возобновила свое ходатайство объ упраздненіи базилианскихъ монастырей.

Но министерство внутреннихъ дѣлъ не давало никакого хода дѣлу. Преосвященный Иосифъ полагалъ, что имѣются въ виду какіе-нибудь вредныя для униі замыслы, но что ихъ отъ него скрываютъ, и опасался въ особенности вмѣшательства въ это дѣло Новосильцова, бывшаго уже тогда предсѣдателемъ государственнаго совѣта. „Тутъ“, — пишетъ онъ, — „молодое мое терпѣніе лопнуло: я рѣшился присоединиться лично къ православной церкви“, и 15-го мая 1833 года написалъ о томъ прошеніе св. синоду и донесеніа униатской коллегіи и министру. Въ этихъ бумагахъ онъ объяснялъ, что уже шесть лѣтъ, какъ онъ принадлежитъ къ православной церкви по своимъ убѣжденіямъ, но оставался пока униатомъ, потому что думалъ подѣйствовать въ томъ же смыслѣ на своихъ единовѣрцевъ. „Съ давняго уже времени“, писалъ онъ, „я глядѣлъ на полтора милліона своихъ единовѣрцевъ не безъ тягостнаго ощущенія. Мы, Русскіе, дѣти греко-россійской восточной церкви, отторжены отъ общаго тѣла старшихъ нашихъ братій политическими видами бывшаго польскаго правительства и общества іезуитовъ. Болѣе двухъ-сотъ лѣтъ мы были игралищемъ партій, взаимно между собою враждующихъ; насъ угнетали, насъ уничижали, у насъ отнимали наши права, наши постановленія, искажали прекрасное наше богослуженіе; и за все, нами претерпѣнное, за все, у насъ отнятое, мы получили нѣсколько такъ-названныхъ догматовъ вѣры, неизвѣстныхъ древней христіанской церкви и изобрѣтенныхъ на западѣ, во времена варварства среднихъ вѣковъ, духовенствомъ, находившимся въ самомъ грубомъ невѣжествѣ“.... „Обстоятельства, отъ меня не зависящія, лишаютъ меня лестной надежды быть нѣкогда участникомъ общаго присоединенія маленькаго греко-унитскаго стада къ истинной нашей матери, греко-россійской церкви; но и въ смиренной кельи инока я не престану возносить ко Всевышнему недостойныя мои молитвы о совершеніи сего священнаго дѣла, долженствующаго связать единокровныя народы узами единой вѣры и братской любви“. Министру внутреннихъ дѣлъ онъ писалъ: „Вижу съ сожалѣніемъ, что я не умѣлъ приобрести вашей довѣренности, и что на предназначенномъ мнѣ поприщѣ останусь безъ способовъ къ успѣшному дѣланію. Мертвый для униатскаго дѣла, я равнодушенъ къ личной моей будущей участи“.

„Но Богъ судилъ мнѣ совершить до конца общее дѣло возсоединенія“, — читаемъ мы въ его запискахъ; — „означенныя три бумаги остались безъ дѣйствія по слѣдующему случаю. Я ѣздилъ лично въ св. синодъ съ просьбою, но не засталъ оберъ-прокурора Нечаева и до-

жидался его болѣе часа. Оберъ-секретарь предлагалъ принять отъ меня просьбу; но я желалъ быть представленнымъ въ синодальное присутствіе и покончить все однимъ разомъ. Между тѣмъ Блудовъ узналъ объ этомъ и пригласилъ меня къ себѣ. „Вы были въ синодѣ“, сказалъ онъ съ видимымъ смущеніемъ. „Былъ“, отвѣчалъ я, и все разказалъ. Онъ повеселѣлъ и многое разказалъ. Открылось, что дѣйствительно Жарскій, покровительствуемый чиновниками Новосильцова, противодействовалъ ходу уніатскаго дѣла; но противъ самой сущности онаго дѣйствовать не смѣли, а косвенными мѣрами повредить не умѣли, и на томъ все остановилось. Объясненія съ Блудовымъ были откровенныя. Увѣренія его въ дальнѣйшемъ поддерживаніи уніатскаго дѣла были самыя положительныя. Я ободрился и принялся вновь за дѣло“.

Епископъ Іосифъ представлялъ собою цѣлую систему, онъ зналъ, чего хотѣлъ и куда вель дѣло. Напротивъ того, мѣстные дѣятели, среди уніатскаго народонаселенія, какъ православное духовенство, такъ и гражданскія власти, руководились одною своею ревностію, не всегда разумною. Съ 1832 года начались въ Бѣлоруссіи частныя присоединенія уніатовъ, производившіяся по указаніямъ тамошнихъ православныхъ архіереевъ совокуными дѣйствіями духовныхъ и свѣтскихъ лицъ. Высшее правительство не дѣлало по этому предмету никакихъ общихъ распоряженій, не его инициативой они были вызваны; министерство имъ не противодействовало, даже иногда было довольно, но не болѣе. Эти присоединенія начались въ имѣніяхъ русскихъ помѣщиковъ Могилевской и Витебской губерній и производились при личной помощи этихъ помѣщиковъ или съ пособіемъ ихъ управляющихъ; потомъ перешли въ казенныя имѣнія. Народонаселеніе этихъ имѣній, искони русское и пограничное съ русскими губерніями, дѣйствительно наиболѣе было склонно къ православію; но поэтому именно нельзя не пожалѣть, что въ этомъ чисто духовномъ дѣлѣ употребляли болѣе лицъ свѣтскихъ, чѣмъ духовныхъ. Витебскій губернаторъ Шредеръ разъѣзжалъ по губерніи и лично убѣждалъ уніатовъ присоединяться къ православію; посылалъ, въ помощь увѣщавшимъ священникамъ, совѣтниковъ губернскаго правленія, своихъ чиновниковъ особыхъ порученій и т. п.; также поступали и въ губерніи Могилевской. Латинское духовенство и польскіе папы, въ отпоръ этимъ дѣйствіямъ, возбуждали народъ; польскіе помѣщики подвергали даже своихъ крѣпостныхъ крестьянъ тѣлесному наказанію за присоединеніе къ православною церкви; произошли раздраженіе и неудовольствія, и были

даже случаи, что вводили роты солдатъ для водворенія порядка въ селеніяхъ. Результатъ этихъ мѣръ былъ довольно ничтожный, такъ какъ обращеніе народа безъ его духовенства не можетъ почитаться надежнымъ и прочнымъ, а между тѣмъ онѣ набросали тѣнь на все дѣло и послужили къ извращенію понятія о немъ и въ западной Европѣ, и даже у насъ.

Эти дѣйствія вовсе не согласовались со взглядами преосвященнаго Іосифа; они даже шли съ ними въ разрѣзъ; это были двѣ противоположныя системы, если только можно назвать системою то, что происходило по уніатскому дѣлу въ Бѣлоруссіи. Въ 1837 году преосвященный писалъ объ этихъ частныхъ обращеніяхъ уніатовъ въ православіе: „Къ сожалѣнію, успѣхъ этихъ обращеній ввелъ въ нѣкоторое заблужденіе насчетъ дѣйствительной ихъ важности. Мы обратили сто тысячъ уніатовъ! Но этихъ уніатовъ и не стоило обращать: они почти исключительно находились въ имѣніяхъ казенныхъ или русскихъ помѣщиковъ; они такъ мало измѣнились въ римлянъ, такъ были близки къ православнымъ, что во всякое время ихъ было легко присоединить къ православной церкви. Напротивъ, преждевременное отдѣленіе ихъ отъ прочихъ уніатовъ, дѣйствительно, повредило дальнѣйшему успѣху въ тѣхъ мѣстностяхъ уніатскаго дѣла. Эти сто тысячъ уніатовъ были бы надежною опорой для дѣйствій уніатскаго духовнаго начальства на прочихъ уніатовъ; нынѣ же эта опора потеряна, и остающіеся въ предѣлахъ Бѣлорусской епархіи шестьсотъ двадцать тысячъ уніатовъ находятся почти исключительно въ имѣніяхъ и подъ вліяніемъ польскихъ помѣщиковъ и римскаго духовенства. Между тѣмъ православное духовенство, въ обращеніяхъ этихъ, по духу самой принятой имъ системы, дѣйствовало противу уніатовъ, какъ противъ враговъ, а гражданское бѣлорусское начальство обращало единственно вниманіе на то, чтобы способствовать системѣ православнаго духовенства“.

То же самое говорилъ и писалъ преосвященный Іосифъ гораздо ранѣе. Въ бумагахъ его сохранилась записка отъ 25-го октября 1833 года, оканчивающаяся слѣдующими словами: „Для благополучнаго окончанія уніатскаго дѣла необходимо также прекратить всякія покушенія къ частному присоединенію уніатовъ къ православной церкви. Въ проѣздъ мой чрезъ Бѣлоруссію я узналъ, что многія изъ сихъ покушеній были вовсе неудачны и возбудили только фанатизмъ въ народѣ. Самъ преосвященный Смарагдъ, князь Хованскій и губернаторъ Шредеръ сознаются, что слишкомъ поспѣшно взялись за дѣло,

и соглашались въ необходимости приостановить свои дѣйствія. Можно сказать даже, что самыя успѣшныя изъ сихъ дѣйствій обращаются къ существенному вреду униатскаго дѣла; ибо отъ сей-то столь благорасположенной, нынѣ къ православію обращающейся части униатскаго народа удобнѣе всего было бы начать общее присоединеніе униатовъ къ православної церкви. Словомъ, нынѣшніе дѣйствователи на Бѣлоруссію имѣли въ виду одинъ округъ, когда надобно приобрѣсть пространную область; взялись лѣчить челоуѣка, и отнимаютъ у него самую здоровую часть тѣла“.

Прежде подачи прошенія въ св. синодъ о присоединеніи къ православію, преосвященный Іосифъ назначенъ былъ епархіальнымъ Литовскимъ епископомъ (2-го апрѣля 1833 года). Ему предлагали Бѣлорусскую кафедру, праздную по смерти Мартусевича (26-го января 1833 года). Эта кафедра была гораздо богаче Литовской, къ ней принадлежало 2000 душъ крестьянъ, тогда какъ архіерейское имѣніе на Литвѣ состояло всего изъ 400 душъ. Но онъ предпочелъ епархію Литовскую именно потому, что она была бѣднѣе, дабы не обидѣть митрополита Булгака, желавшаго получить Бѣлорусскую, а также потому, что она была труднѣе Бѣлорусской: Бѣлоруссія была близка къ центру Россіи, а Литва гораздо болѣе ея ополячена и окатоличена.

Рѣшимость преосвященнаго бросить униатское дѣло и присоединиться лично къ православію имѣла свое дѣйствіе: министерство внутреннихъ дѣлъ вновь принялось за дѣло и стало приводить въ исполненіе давнишнія предположенія Іосифа.

Въ 1832 и 1833 годахъ послѣдовали слѣдующія важныя распоряженія:

1) Упразднено званіе провинціаловъ базилианскихъ монастырей, несообразное съ правилами восточной церкви. Этимъ постановленіемъ базилианскій орденъ окончательно лишился всякой отдѣльности и самостоятельности, и базилианскіе монастыри подчинились вполнѣ епархіальному управленію.

2) Уничтожено право ктиторства, которымъ такъ злоупотребляли польскіе помѣщики, въ ущербъ униатской церкви и для пользы латинской. Это право, предоставлявшее помѣщикамъ власть представлять священниковъ къ приходамъ въ своихъ имѣніяхъ, было одною изъ главныхъ причинъ, исказившихъ унию. Въ 1806 году оно было ограничено тѣмъ, что помѣщики могли выдавать согласительные акты (презенты) только тѣмъ духовнымъ, которые получали одобреніе отъ своего епархіальнаго начальства; но это не лишало ихъ возможности

отвергать рекомендуемыхъ духовною властію, что и обнаружилось въ отказѣ ихъ соглашаться на замѣщеніе вакантныхъ въ ихъ пмѣніяхъ приходоѡ молодыхми клириками, кончавшими курсъ ученія въ Жировицкой семинаріи, очищенной отъ латинства.

3) Базиліанс, перешедшіе въ греко-восточное монашество изъ латинскихъ монашескихъ орденоѡ, не охотно воспользовались, какъ мы видѣли, предоставленнымъ имъ дозволеніемъ возвращаться въ свои ордена. Такихъ было человекъ 50, а въ уніи оставалось еще до 200 монаховъ, поступившихъ изъ латинскаго обряда. Чтобы побудить этихъ злыхъ враговъ уніи, принявшихъ только ея личину, оставить ее, дозволеніе обращаться въ ордена, къ которымъ они въ дѣйствительности принадлежали, ограничено было шестимѣсячнымъ срокомъ, съ тѣмъ, что тѣ монахи, которые въ теченіе этого времени не возвратятся въ свой латинскій обрядъ, лишаются уже въ послѣдствіи права оставить греко-унитское монашество.

4) Наконецъ, самую важную мѣрой этого времени былъ приступъ къ упраздненію излишнихъ и вредныхъ базиліанскихъ монастырей, что было завѣтною мечтою преосвященнаго Іосифа, не удалось при Шишковѣ и не возобновлялось послѣ него. Рѣшено было приступить къ закрытію монастырей бѣднѣйшихъ, и слѣдовательно, наиболѣе опустѣлыхъ, не представлявшихъ затрудненія ни въ размѣщеніи монашествующихъ, ни въ обращеніи монастырскихъ фондушей на другое, болѣе полезное предназначеніе. Въ теченіе двухъ лѣтъ упразднено было 36 базиліанскихъ монастырей ¹⁾.

Въ іюнь 1833 года преосвященный Іосифъ отправился для обозрѣнія своей Литовской епархіи и обѣихъ семинарій: Жировицкой и Полоцкой.

„Главнымъ результатомъ моей поѣздки 1833 года“, — пишетъ онъ въ своихъ запискахъ, — „было личное удостовѣреніе о новой важной complicacіи, угрожающей этому дѣлу. Мѣстное православное духовенство, догадываясь о намѣреніяхъ правительства относительно уніатовъ, начало и само дѣйствовать частно на ихъ обращеніе. Это начинаніе приняло большіе и крутые размѣры съ учрежденіемъ въ Полоцкѣ, въ іюнь того года, православной епархіи и съ пазначеніемъ на оную епископа Смарагда. Я видѣлъ вредъ отъ дѣйствій православнаго духовенства, отдѣльно отъ принятыхъ уже мѣръ по уніатскому дѣлу. Пронеслась тревога между уніатами, и мѣры эти должны были

¹⁾ Всѣхъ базиліанскихъ монастырей было 81 (72 мужскихъ и 9 женскихъ).

парализоваться. Самый успѣхъ православнаго духовенства долженъ былъ ограничиться обращеніемъ нѣкоторой только части униатовъ, самыхъ близкихъ къ православію; остальные отпали бы окончательно и невозвратно въ латинство“.

Это безсистеміе, эти разнорѣчивыя дѣйствія по одному и тому же предмету, не направляемыя одною рукою къ одной цѣли, эти два противоположные пути, обозначавшіеся въ одно и то же время и въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, не переставали тревожить преосвященнаго, пугать его невозможностію желаннаго исхода дѣла, и онъ снова сталъ настаивать на принятіи радикальной мѣры подчиненія греко-унитской коллегіи св. синоду. Конечно, онъ не могъ не сознать всей ея неправильности и крутости, но по всему видно, что желалъ и добивался ея, чтобы положить конецъ колебаніямъ и поставить униатское дѣло на такую дорогу, съ которой ему не было бы поворота; онъ хотѣлъ сдѣлать свое дѣло безвозвратнымъ, независимымъ отъ переменчивости людей и обстоятельствъ. И на этотъ разъ мѣра эта не была принята правительствомъ.

Между тѣмъ высшая униатская іерархія начала рѣдѣть: осталось всего два епископа — митрополитъ Булгакъ и преосвященный Сѣмашко; остальные епископы скончались. „Нужно было искать другаго обезпеченія“ — читаемъ въ излагаемыхъ запискахъ; — „съ одной стороны, предстояло оградить униатовъ противъ отпаденія въ латинство, вслѣдствіе фанатическихъ дѣйствій православнаго духовенства; съ другой, нужно было обезпечить присоединеніе ихъ къ православію принятыми уже мѣрами, если бы дѣйствія православнаго духовенства оказались не вполне успѣшными, въ чемъ я былъ увѣренъ. Въ томъ и другомъ случаѣ полезно было обезпечить существованіе униатской іерархической власти. Между тѣмъ вскорѣ я долженъ былъ остаться одинъ епископомъ сего вѣдомства, при глубокой старости митрополита Булгака. Я присовѣтовалъ посвятить еще трехъ униатскихъ надежныхъ епископовъ и рекомендовалъ для этого: предсѣдателя Бѣлорусской консисторіи, протоіерея Василя Лужинскаго ¹⁾, члена коллегіи, архимандрита Іоасафата Жарскаго, и ректора Литовской семинаріи, протоіерея Антонія Зубко. Жарскаго мнѣ не хотѣлось рекомендовать; но меня порѣшила надежда, что возведеніе его подѣйствуетъ благотѣльно на униатское монашество; другаго содѣйствія я отъ него не ожидалъ и не имѣлъ“. Преосвященный Іосифъ взялъ отъ рекомендованныхъ имъ

¹⁾ Нынѣ архіепископъ, членъ св. синода.

на епископскія кафедрѣ кандидатомъ письменныя обязательства, что они во всякое время готовы присоединиться къ православной церкви. Подписка протоіерея Зубко изложена имъ въ слѣдующихъ словахъ: „Ваше преосвященство давно уже знаете мой образъ мыслей и мои чувства къ православной греко-россійской церкви; знаете мое твердое убѣжденіе въ истинѣ вѣрованія этой церкви и въ заблужденіяхъ римлянъ; знаете мое негодованіе къ пропскамъ латинянъ и Поляковъ, унію произведшихъ; знаете мое соболѣзнованіе о послѣдовавшемъ отъ сего иерерожденіи полутора милліона народа, русскаго языкомъ и происхожденіемъ; знаете мое искреннее участіе въ благомъ дѣлѣ обращенія уніатовъ въ лоно православной церкви; знаете мою готовность присоединиться самому нынѣ же къ сей нашей общей матери, прародительской церкви; знаете мою совершенную довѣренность къ мѣрамъ, которыя правительству благоугодно будетъ принять по уніатскому дѣлу; все это знаете, и я съ удовольствіемъ исполняю желаніе вашего преосвященства, объявляя вамъ о семъ письменно“.

11-го декабря 1833 года послѣдовалъ Высочайшій указъ о назначеніи викарными епископами: Лужинскаго — Бѣлорусской, а Жарскаго и Зубко — Литовской епархіи, а въ январѣ 1834 года они были посвящены.

„Присутствіемъ въ Петербургѣ всѣхъ уніатскихъ епископовъ съ ихъ митрополитомъ воспользовался я“, — пишетъ преосвященный, — „для весьма важной мѣры. Въ 7-й день февраля коллегія, совмѣстно со всѣми епископами, положила: вмѣсто печатанія особаго служебника для уніатскихъ церквей, принять для нихъ служебникъ и книгу молебныхъ пѣній, печатанные въ Московской синодальной типографіи; заняться устройствомъ иконостасовъ, утварей и священныхъ облаченій для правильнаго богослуженія и отпустить на сей предметъ по пяти тысячъ рублей на каждую епархію, для вспоможенія бѣднѣйшимъ церквамъ. Постаповленіе это соотвѣтствовало совершенно потребности уніатовъ, гдѣ простой народъ не понималъ догматической и іерархической разности, а дорожилъ виѣиностію. Нужно еще знать, что я ничего не сказалъ предварительно Дмитрію Николаевичу о семъ постаповленіи, изъ опасенія, что онъ на него не согласится. И дѣйствительно, онъ очень встревожился; мы были на совѣщаніи у митрополита Московскаго; онъ также вначалѣ усомнился, но скоро понялъ мои доводы, и все прошло ¹⁾“.

¹⁾ Докладъ объ этомъ Д. Н. Блудова утвержденъ Государемъ 10-го февраля 1834 года.

Въ 1834 году преосвященный Иосифъ поѣхалъ обзрѣвать свою епархію, а также всѣ духовно-учебныя заведенія. Главною цѣлю этой поѣздки было разузнать расположеніе умовъ униатскаго духовенства и мѣстныя обстоятельства, посмотреть, какъ на самомъ дѣлѣ исполняются вновь изданныя важныя постановленія, и приготовить къ предстоявшимъ еще преобразованіямъ. Онъ предполагалъ также видѣться съ православными епископами: Волынскимъ, Минскимъ, Могилевскимъ и Полоцкимъ, объясниться съ ними о положеніи униатскаго дѣла и условиться относительно мѣръ для совокупнаго дѣйствія. „Ни одна моя поѣздка“, — пишетъ онъ, — „не представляетъ такой дѣятельности, какъ эта. Я все хотѣлъ видѣть, во всемъ хотѣлъ удостовѣриться. Обѣхалъ, кромѣ Бѣлоруссін, всю свою епархію, видѣлъ почти все свое духовенство, собранное на опредѣленныхъ мѣстностяхъ въ назначенные сроки“.

Еще прежде возвращенія въ С.-Петербургъ, съ дороги писалъ онъ Д. П. Блудову о видѣнномъ имъ; эти замѣтки и впечатлѣнія значительно объясняютъ дѣйствительное положеніе униатскаго дѣла въ то время и характеръ дѣйствовавшихъ лицъ, и потому я сдѣлаю изъ нихъ нѣсколько выписокъ. Изъ Полоцка онъ писалъ: „Съ преосвященнымъ Смарагдомъ мы бесѣдовали съ полною довѣренностію. Онъ частію не зналъ, частію понималъ въ превратномъ видѣ распоряженія правительства по униатскому дѣлу. Нынѣ вообще ихъ одобряетъ, и особенно по части училищной. Онъ сожалѣетъ, что не зналъ прежде настоящей системы правительства, и хотя ему невозможно уже пріостановить частныя присоединенія, но обѣщалъ поступать въ семъ отношеніи съ полною осторожностію и безъ всякой опрометчивости. Вообще я надѣюсь, что сей достойный пастырь будетъ въ состояніи удерживать нѣсколько свою пылкую ревность истинною, отличающею его благонамѣренностію. Впрочемъ, совершенно извинительно сему достойному и ревностному пастырю желать, чтобъ униаты стали вдругъ тѣмъ, чѣмъ быть должны, хотя всякій согласится, что иное — пожелать, а иное — сдѣлать“. Въ Полоцкѣ преосвященный присутствовалъ на служеніи преосвященнаго Смарагда въ кафедральномъ соборѣ. Вообще, онъ остался болѣе доволенъ положеніемъ униатскаго дѣла въ Полоцкѣ, чѣмъ предполагалъ найдти его въ прежнемъ главномъ іезуитскомъ гнѣздѣ. Въ Минскѣ дѣло это представилось ему еще въ лучшемъ видѣ. Тамъ онъ видѣлся нѣсколько разъ и съ генералъ-губернаторомъ, княземъ Долгоруковымъ. „Онъ занимается нынѣ униатскимъ дѣломъ“ — писалъ преосвященный — „съ бѣлымъ противу преж-

няго участіемъ, и сожалѣть только, что не зная истиннаго направленія сего дѣла, принужденъ блуждать наобумъ между двумя системами“. Въ Жировицахъ пробылъ онъ три недѣли, и при немъ въ первый разъ лучшіе ученики семинаріи произнесли проповѣди въ тамошнемъ кафедральномъ соборѣ по русски (прежде проповѣди говорились по польски). Онъ писалъ оттуда: „За двѣ недѣли предъ симъ былъ у насъ въ Жировицахъ ревнитель всего русскаго, Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, и оставилъ онъ съ такимъ удовольствіемъ, какое испыталъ бы всякій безпристрастный, который посмотрѣлъ бы на здѣшнія обстоятельства послѣ пѣкотораго отсутствія“. Употребивъ шесть недѣль на объѣздъ своей епархіи, онъ отправился въ Кіевскую губернію повидаться съ проживавшими тамъ своими родителями, которыхъ онъ не видѣлъ уже двѣнадцать лѣтъ; заѣхалъ въ Почаевъ, обращенный въ 1831 году изъ базилианскаго монастыря въ православную лавру за участіе базилианъ въ мятежѣ, за оказанную ими помощь предводителю мятежнической шайки Дверницкому и за печатаніе въ своей типографіи возмутительныхъ воззваній. Тамъ онъ останавливался у преосвященнаго Волынскаго Иннокентія. „Онъ, подобно преосвященнымъ Полоцкому и Минскому“ — писалъ Іосифъ — „имѣетъ свой особенный взглядъ по униатскому дѣлу, частію отъ особенныхъ правилъ, частію же отъ особеннаго взгляда на мѣстныя обстоятельства; но онъ увѣрилъ меня, что будетъ совершенно сообразоваться съ системою, какую правительство принять заблагоразсудить, и просвѣщеніе сего преосвященнаго ручается, что онъ будетъ въ состояніи оную уразумѣть“.

Преосвященный остался чрезвычайно доволенъ Жировицкою семинаріей, и дѣйствительно, искренность и сердечная теплота ректора ея (въ послѣдствіи православнаго Минскаго епископа Антонія) соединила всѣхъ наставниковъ и учениковъ въ одну русскую семью, проникнутую глубокимъ убѣжденіемъ въ своихъ религіозныхъ и политическихъ началахъ и сознававшую вполне предстоящее ей важное призваніе. И въ послѣдствіи преосвященный Іосифъ любилъ отдыхать душевно въ Жировицахъ. Не то было въ Полоцкѣ: въ тамошней семинаріи преосвященный засталъ еще преподаваніе польскаго языка и словесности, проповѣди въ кафедральномъ соборѣ говорились воспитанниками по польски, и ежедневно слушали они латинскую читанную мшу. По возвращеніи въ Петербургъ, преосвященный обратилъ вниманіе униатской коллегіи на эти несвойственные восточному обряду обычаи, и они были отмѣнены.

Въ томъ же 1834 году уніатская коллегія сдѣлала весьма важное распоряженіе, заключающееся въ воспрещеніи уніатскому духовенству отпирать богослуженіе въ латинскихъ костелахъ и участвовать въ какихъ-либо процессіяхъ съ римскими ксендзами. Это постановленіе было совершенно согласно съ неоднократными, но нескрѣпленными подтвержденіями папъ о несмѣшеніи двухъ обрядовъ, которыя, къ ошибочному удовольствію Римскаго двора, никогда не соблюдались.

Направляя дѣйствія коллегіи, составляя записки и протоколы по важнѣйшимъ ея дѣламъ, преосвященный Іосифъ самъ слѣдилъ за исполненіемъ ея распоряженій по своей епархіи. Въ 1834 году онъ назначилъ годовой срокъ, въ который должны были быть устроены иконостасы и престолы по правиламъ греко-восточной церкви въ 229 церквахъ Литовской епархіи¹⁾; назначилъ нѣсколько просвѣщенныхъ и благонадежныхъ духовныхъ лицъ при Жировицкомъ кафедральномъ соборѣ, для испытанія въ знаніи правилъ восточной церкви всѣхъ предназначавшихся къ священно- или церковно-служительскимъ мѣстамъ, и сдѣлалъ это обязательнымъ для ихъ родителей, подъ угрозой исключенія изъ духовнаго званія; учредилъ при семинаріи училище для дьячковъ, въ коихъ ощущался особенный недостатокъ, потому что едва при половинѣ церквей они были, да и то плохіе, при чемъ обязалъ священниковъ лучшихъ приходовъ доставлять кандидатовъ на эту должность въ Жировицы на свой счетъ, и въ особенностяхъ тѣхъ церквей, въ коихъ находятся органы, „такъ какъ приходы, могущіе содержать органы и органиста, тѣмъ болѣе будутъ въ состояніи содержать хорошо приготовленнаго дьячка“. Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ 1834 года онъ видѣлъ лично болѣе восьмисотъ священниковъ, бесѣдовалъ съ каждымъ изъ нихъ и сдѣлалъ нужныя внушенія и наставленія, а въ теченіе одного года перебивало въ Жировицахъ для изученія правильнаго богослуженія сто двадцать священниковъ, а въ шесть лѣтъ почти все духовенство, и отъ всякаго изъ нихъ бралась подписка, что будетъ служить по служебникамъ Московской печати; не желавшимъ же изучить правильное богослуженіе было объявлено, что будутъ низведены въ дьячки. Сопротивлявшихся было весьма не много, да и то по подговору ксендзовъ и польскихъ помѣщиковъ, потому и отъ приходовъ отрѣшено было только нѣсколько человѣкъ, и тѣ въ послѣдствіи раскаялись.

Самымъ лучшимъ средствомъ для устраненія неблагонадежныхъ и

¹⁾ Изъ 800 церквей Литовской епархіи только 80 были тогда съ иконостасами.

недостойныхъ священниковъ оказалось закрытіе малолюдныхъ приходо-
въ, разрѣшенное еще въ 1829 году: въ теченіе четырехъ или пяти
лѣтъ изъ восьмисотъ приходо-въ Литовской епархіи упразднено и при-
числено къ сосѣднимъ болѣе ста тридцати; монастыри исправлялись
переводомъ въ нихъ монаховъ изъ обитателей юго-западныхъ губерній,
гдѣ болѣе было природныхъ униатовъ, а потому сохранилось и въ
большей чистотѣ славянское богослуженіе. Дѣлая всѣ эти распоря-
женія, преосвященный избѣгалъ всякой торопливости. „Надобно знать
предѣлы возможнаго“, — писалъ онъ, — „не надобно желать передѣлать
вдругъ то, что римляне дѣлали въ теченіе болѣе двухъ сотъ лѣтъ.
Лучше всего не отвращать напрасно умовъ излишнею поспѣшностію
въ измѣненіи наружной, если такъ можно сказать, оболочки греко-
унитской церкви, но предоставивъ таковое постепенному ходу и спо-
собамъ, которые для сего будутъ доставляемы, присоединить оную въ
существенномъ отношеніи къ греко-россійской церкви“.

Какъ ни успѣшно, повидимому, направлялось униатское дѣло по
мыслимъ преосвященнаго, онъ все-таки страшился за окончательней
его исходъ и въ 1834 году вновь представилъ записку о подчиненіи
униатской коллегіи св. синоду. Тогда, для примиренія мнѣній и едино-
образнаго направленія дѣйствій, митрополитъ Филаретъ предложилъ
учредить особый секретный комитетъ изъ нѣсколькихъ высшихъ духов-
ныхъ лицъ православнаго и униатскаго духовенства, а также и свѣт-
скихъ. Государь одобрилъ эту мысль и назначилъ членами этого коми-
тета: митрополитовъ Серафима и Филарета, Григорія, архіепископа
Тверскаго, митрополита Булгака, епископа Іосифа, графа П. А. Тол-
стаго, князя А. Н. Голицына, статсъ-секретарей Блудова и Танѣева
и оберъ-прокурора св. синода. Особенно важныя дѣла должны были
разсматриваться въ совѣщаніяхъ между митрополитомъ Филаретомъ,
епископомъ Іосифомъ, Д. Н. Блудовымъ и оберъ-прокуроромъ св. си-
нода. Засѣданія этого комитета открыты были въ 1835 году, по
возвращеніи митрополита Филарета изъ Москвы, такъ какъ Государь
повелѣлъ, чтобъ его ожидали.

Главною мѣрой, принятою этимъ комитетомъ въ концѣ 1835 года,
было подчиненіе униатскихъ духовно-учебныхъ заведеній комиссіи
духовныхъ училищъ. Это былъ первый шагъ къ сліянью церковей пра-
вославной и униатской.

Комитетъ долженъ былъ преимущественно заняться согласованіемъ
дѣйствій православнаго и униатскаго духовенства. Для этой цѣли со-
ставлено было въ св. синодѣ наставленіе, озаглавленное: „Мысли и

совѣты для православныхъ архіереевъ, которыхъ паствы сопредѣльны съ разномыслящими въ вѣрѣ и уклонившимися отъ православія“. Наставленіе это написано было въ самомъ примирительномъ духѣ; запрещалось поставлять уніатамъ въ вину разности, вкравшіяся, мимо ихъ воли, въ ихъ вѣру, и укорять ихъ: „Укорять значитъ раздражать, а раздражать значитъ уменьшать способы къ принятію истины“. Хотя частныя присоединенія и не запрещались, но предписывалось наблюдать при нихъ крайнюю осторожность, не торопиться присоединеніемъ, если ищущіе его недостаточно подготовлены, въ присоединяемыхъ уніатскихъ священникахъ уважать характеръ священника, не заставлять ихъ вдругъ перемѣнять одежду и носить бороду, терпѣть даже тѣхъ, которые жепаты на католичкахъ, не желающихъ перемѣнить своей вѣры, и оставлять новообращеннымъ, по крайней мѣрѣ въ началѣ, нѣкоторыя уніатскія обыкновенія въ богослуженіи, введенныя римско-католиками, но не противныя духу православной церкви,—такія обыкновенія, къ которымъ простой народъ приверженъ болѣе, нежели къ кореннымъ уніатскимъ уклоненіямъ отъ православія. Комитетъ одобрилъ это наставленіе.

Между тѣмъ частныя присоединенія продолжались въ Бѣлоруссіи и перешли въ Минскую губернію. Естественнымъ образомъ, римско-католики всячески имъ мѣшали, даже производили безчинства во вновь обращенныхъ церквахъ. Въ западныхъ губерніяхъ распространили польскую книжку, подъ заглавіемъ: „Сходство и различіе между восточною и западною церковью, или мысли о соединеніи съ римско-католическою церковью отступившей отъ нея греческой, соч. Шмидта, капеллана въ Лорѣ, близъ Ашафенбурга, переведенное съ нѣмецкаго на польскій языкъ и передѣланное Варшавскимъ каноникомъ Сярчинскимъ“. Книжка эта написана была въ видѣ возраженія на сочиненіе митрополита Филарета: „Разговоры между испытующимъ и увѣреннымъ“ и имѣла цѣлю унизить православную церковь, а особенно противодѣйствовать принимаемому относительно уніи мѣрамъ.

Наставленіе, данное св. синодомъ архіереямъ, о которомъ только что говорено, разумѣется, не осталось въ тайнѣ. Поляки истолковали его въ смыслѣ измѣненія правительственной системы по уніатскимъ дѣламъ, въ смыслѣ отступленія отъ принятой задачи, и опирались въ своихъ предположеніяхъ на томъ, что нѣкоторыя вліятельныя въ управленіи лица вовсе не сочувствовали имѣвшейся насчетъ уніи цѣли и даже не скрывали этого. Дворянство Витебской губерніи составило и представило Государю актъ противъ присоединенія уніа-

товъ къ православію, и сочинитель этого акта, Полоцкій уѣздный предводитель Бѣликовичъ, развѣзжалъ по западнымъ губерніямъ для распространенія его и разглашалъ, вмѣстѣ со многими другими помѣщиками, что правительство вовсе этого не желаетъ, а дѣйствуетъ тутъ одинъ синодъ. Не религіозный фанатизмъ руководилъ въ этомъ случаѣ дворянствомъ, а эгоистическіе матеріальные расчеты. Польскіе паны, имѣя постояннымъ правиломъ держать крѣпостныхъ своихъ людей въ невѣжествѣ, изнуреніи и неограниченной зависимости, употребляли для сего преимущественно ксендзовъ и оноличенныхъ уніатскихъ священниковъ; это орудіе выпадало изъ ихъ рукъ при православномъ духовенствѣ.

При такихъ обстоятельствахъ, не вида единосистемія и послѣ учрежденія комитета, который собственно для этого и былъ составленъ, преосвященный Іосифъ задумалъ передачу уніатскихъ дѣлъ не св. синоду, какъ предполагалъ прежде, а оберъ-прокурору синода. Но министерство внутреннихъ дѣлъ находило это преждевременнымъ и вреднымъ, потому что это раздражило бы Поляковъ, отстранило бы отъ этихъ дѣлъ министра, которому они близко извѣстны, и лишило бы защиты губернаторовъ противъ латино-польской партіи.

Неимовѣрнымъ трудамъ преосвященнаго Іосифа не соответствовали, по его мнѣнію, достигнутые результаты. „У Блудова“, — пишетъ онъ, — „я составлялъ и даже часто переписывалъ на бѣло всѣ важнѣйшія бумаги по уніатской, а иногда и по латинской части. Директоръ Вигель рѣшительно ничѣмъ не занимался, а его канцелярія скорѣе мнѣ вредила, нежели помогала. Если къ тому присоединить занятія по коллегіи, почти исключительно на мнѣ лежавшія, если прибавить епархіальныя дѣла, требовавшія, по исключительному ихъ положенію, необыкновенной дѣятельности и сообразительности, то неудивительно, что часто я выбивался изъ силъ, иногда приходилъ въ уныніе. Это уныніе было естественно. Сколько я ни трудился, дѣло въ главныхъ основаніяхъ не подвигалось, а напротивъ, временемъ и сторонними обстоятельствами запутывалось. Поляки и латиняне, пользуясь временемъ, начали всюду сѣять ковы и противодѣйствія. Православное духовенство продолжало частныя обращенія уніатовъ средствами вовсе неразборчивыми и поставило себя въ отношеніи къ нимъ какъ-бы враждебнымъ станомъ. Поставленныя между сими враждебными силами уніатскія духовныя начальства не могли дѣйствовать успѣшно, и мѣры, ими принимаемыя, или не достигали своей цѣли, или даже обращались иногда во вредъ благого дѣла, а въ торжество для рим-

лянь. Признаюсь, меня лично очень печалила и какая-то упорная нерасположенность православнаго духовенства западныхъ епархій. Вражда и недоброжелательство со стороны римлянъ и Поляковъ вовсе меня не удивляли: онѣ были естественны. Но я ожидалъ болѣе справедливости со стороны православныхъ. Я посѣщаль дружелюбно тамошнихъ преосвященныхъ, былъ съ ними откровененъ насчетъ цѣли и средствъ, исполнялъ по возможности ихъ желанія, а между тѣмъ не у всѣхъ ихъ заслужилъ расположеніе; иные хитрили и во зло употребляли мою довѣренность; иные награждали меня обидными подозрѣніями, такъ что преосвященный Смарагдъ явно говорилъ: „Сѣмашко обманываетъ“. Между тѣмъ, единственное средство прекратить эту путаницу и тревогу, именно подчиненіе уніатовъ одной власти съ православными, не состоялось. Подчиненіе св. синоду греко-уніатской коллегіи не приводилось въ дѣйствіе, не смотря на частыя мои письменныя и словесныя наставанія. Переходныя мѣры, — секретный комитетъ для уніатскихъ дѣлъ и подчиненіе комиссіи духовныхъ училищъ уніатскихъ учебныхъ заведеній, — тоже мало дѣйствовали. Въ нихъ была партія, предпочитавшая частныя обращенія уніатовъ общему ихъ присоединенію, и поборникъ этой партіи былъ, кажется, оберъ-прокуроръ св. синода Нечаевъ; кажется, съ нимъ былъ не въ ладахъ и Блудовъ. Вотъ положеніе, въ которомъ находилось уніатское дѣло къ концу 1836 года. Остановка, шаткость, колебаніе въ самыхъ существенныхъ основаніяхъ, такъ что часто нельзя было сдѣлать вѣрнаго шага въ дѣлахъ управленія. Это меня выводило изъ терпѣнія, не смотря на благосклонность правительства. Не ѣздилъ въ 1835 и 1836 въ епархію, находя это бесполезнымъ, а наконецъ вновь рѣшился присоединиться лично къ православной церкви, чтобъ избѣжать двусмысленнаго положенія, для меня весьма тягостнаго, а для общаго дѣла бесполезнаго“.

Преосвященный Іосифъ написалъ объ этомъ письмо митрополиту Серафиму. Узнавъ объ этомъ, Государь потребовалъ отъ него чрезъ вновь назначеннаго оберъ-прокуроромъ св. синода графа Протасова объясненія о причинахъ такой рѣшимости. Тогда преосвященный изложилъ ихъ въ обширной замѣчательной запискѣ. „Первоначальная дѣятельность обѣщала уніатскому дѣлу“, — говорилъ онъ, — „самыя вожделѣнныя послѣдствія. Тогда приняты надежныя мѣры, изданы распоряженія и положены основанія, которыми это дѣло и нынѣ по возможности держится. Но дальнѣйшее время не оправдало первоначальныхъ надеждъ. Оно, напротивъ, показало, что уніатское дѣло не имѣтъ

твердыхъ основаній, что участь онаго зависитъ отъ слишкомъ перемѣнчивыхъ случайностей; что его могутъ уронить или привести въ забвеніе самыя ничтожныя неблагоприятныя обстоятельства; что оно, предоставленное собственнымъ силамъ, не будетъ въ состояніи бороться ни съ внутренними, ни съ внѣшними препятствіями, и что необходимо дать сему дѣлу твердую опору, на которой оно могло бы держаться непоколебимо, даже и въ случаѣ остановки въ дѣйствіяхъ по какимъ-либо общественнымъ или частнымъ уваженіямъ. Существенная опора, надежнѣйшее средство успѣха уніатскаго дѣла предположены въ подчиненіи уніатовъ одному начальству съ духовенствомъ православнымъ. Но вотъ уже четыре года, а изъ предположеній по сему предмету приведено въ дѣйствіе лишь подчиненіе духовныхъ греко-унитскихъ учебныхъ заведеній комиссіи духовныхъ училищъ, да и самое это подчиненіе не полно и запутано правилами сношенія комиссіи духовныхъ училищъ съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Когда же приведутся въ дѣйствіе остальные предположенія... Православные не могутъ имѣть полного успѣха въ обращеніи уніатовъ, такъ какъ они, по настоящему положенію дѣлъ, должны здѣсь бороться съ соединенными силами униі, полонизма и католицизма, да и самое направленіе уніатскаго дѣла лишаетъ ихъ нѣкоторымъ образомъ полного содѣйствія со стороны правительства. Мѣстные гражданскія начальства, не зная съ точностію ни намѣреній правительства, ни принятаго образа дѣйствованія, или смотрятъ на обстоятельства совершенно хладнокровно, или, что къ несчастію обыкновеннѣе, принимаютъ сторону сильнѣйшаго. Посреди этого хаоса противоположностей, уніатское дѣло никогда не можетъ быть доведено къ предположенной цѣли по первоначальному пути; напротивъ, оставленіе сего дѣла въ нынѣшнемъ положеніи будетъ имѣть необходимымъ послѣдствіемъ переходъ большей части уніатовъ въ римскую вѣру, такъ что плоды девятилѣтнихъ попеченій объ уніатскомъ дѣлѣ обратятся наконецъ въ пользу римской, а не православной церкви". Въ заключеніе преосвященный требовалъ, чтобы по крайней мѣрѣ подчинить уніатскія дѣла оберъ-прокурору св. синода, если уже нельзя самому синоду.

Записка эта имѣла полный успѣхъ, и вслѣдъ за симъ преосвященный изготавилъ докладъ объ этомъ Государю отъ имени министра. 1-го января 1837 года состоялся указъ о томъ, чтобы завѣдывать греко-уніатскими дѣлами оберъ-прокурору св. синода. „Дружное дѣйствование со стороны православной и уніатской“, — замѣчаетъ преосвя-

щенный, — „обезпечилось одною властію, а я по прежнему остался дѣлательемъ по уніатскому вѣдомству, до близкой уже развязки его благополучнымъ исходомъ!“

„Я не безъ сожалѣнія разставался съ Блудовымъ“, — пишетъ преосвященный. — „Личныя отношенія наши были очень удовлетворительны. Это былъ человекъ благороднаго характера, обширнаго и свѣтлаго ума, только излишне мягокъ и подверженъ стороннему вліянію. Графъ Протасовъ былъ не менѣе благороднаго характера, и ежели не столь обширнаго ума, какъ Блудовъ, то болѣе живаго и дѣятельнаго. Онъ принялся съ полнымъ рвеніемъ за уніатское дѣло и заботился о немъ всю свою жизнь. Отношенія мои съ Протасовымъ, какъ прежде съ Блудовымъ, были всегда хороши. Да впрочемъ я всегда мало заботился о личностяхъ: была бы ко мнѣ справедливая довѣренность, было бы во мнѣ доброе участіе, какъ въ общественномъ дѣятелѣ добраго общественнаго дѣла. Сначала мнѣ была непріятна въ Протасовѣ какая-то хитроватость; но это вскорѣ кончилось. Кого-то онъ назвалъ хитрымъ. «Для насъ, кажется, не должно быть хитрыхъ людей», — замѣтилъ я; и съ того времени былъ онъ со мною прямымъ, откровеннымъ“.

Въ іюнѣ 1837 года преосвященный Іосифъ отправился для обзрѣнія какъ своей Литовской, такъ и Бѣлорусской епархій. Въ четыре мѣсяца осмотрѣлъ онъ двѣ семинаріи, девять уѣздныхъ училищъ и посѣтилъ 119 церквей: 54 въ Бѣлорусской и 65 въ Литовской епархій.

Въ это время въ Литовской епархій было уже 641 церковь съ иконостасами, и оставалось безъ иконостасовъ только 15 церквей, по большей части требовавшихъ предварительной капитальной починки; во всѣхъ церквахъ были упразднены боковые латинскіе алтари; уничтожены органы и амвоны; исправлены отчасти церковные сосуды, утвари и священныя облаченія. Изъ учрежденнаго въ Жировицахъ дьячковскаго училища было выпущено полтораста хорошо подготовленныхъ дьячковъ, такъ что всѣхъ церквей, не имѣвшихъ дьячковъ, оставалось 237. Всѣ распоряженія и предписанія Литовской консисторіи производились на русскомъ языкѣ, и метрическія книги велись также по русски, а ставленныя грамоты для священниковъ заведены были на славянскомъ языкѣ, по формамъ, употребляемымъ въ православной церкви. Произносившаяся передъ рукоположеніемъ во священство присяга папѣ была уничтожена; выведено было первоначально изъ употребленія именованіе папы въ церков-

ныхъ моленіяхъ „вселенскимъ“, а потомъ преосвященный уже вовсе не упоминалъ паны при большихъ выходахъ на литургіи.

Не то было въ Бѣлорусской епархіи. Съ пути преосвященный писалъ графу Протасову: „Исполнивъ тягостную обязанность посѣщенія Полоцка, я съ отрадой оставляю за собою, наконецъ, и Витебскую губернію. Богъ знаетъ, на что здѣсь нѣсколько лѣтъ православныя и уніаты себя истязали и истощали напрасно силы, которыя должны бы обратитъ совокупно для противодѣйствія общимъ врагамъ своимъ“. Начальникъ этой епархіи, митрополитъ Булгакъ извѣстенъ былъ всѣмъ, какъ ревностный римскій католикъ, на которомъ единственно держалась олатиненная унія, и всякій изъ латинствующихъ уніатовъ надѣялся получить его покровительство. Между тѣмъ уніатскіе священники, конхъ приходы обратились въ православіе, остались безъ мѣстъ, значить недовольными, и распространяли это недовольство среди народа. Могилевская губернія, по устройству церквей и богослуженія, была болѣе приближена къ восточному обряду, потому что и прежде онѣ были менѣе измѣнены на латинскія. Въ части Минской губерніи, принадлежавшей къ Бѣлорусской епархіи, матеріальное устройство церквей производилось довольно успѣшно, но весьма мало было сдѣлано относительно богослуженія, въ особенности же не хорошо было направленіе умовъ духовенства. „Бѣлорусская епархія разстроена“,— писалъ преосвященный,—„духовенство и мѣстное ея начальство колеблется во всѣ стороны. Очевидно, что по оной не могло быть ни того постояннаго, твердаго и всеобъемлющаго направленія дѣйствій къ общему перерожденію уніатовъ, ни тѣхъ результатовъ, какъ по епархіи Литовской. При меньшемъ числѣ церквей, нежели въ Литовской епархіи, при бывшихъ уже прежде двухстахъ-тридцати иконостасахъ, при большихъ удобствахъ къ устройству и меньшемъ противу оныхъ предубѣжденіи, еще болѣе ста церквей Бѣлорусской епархіи остаются безъ иконостасовъ. На устройство церквей въ прочихъ отношеніяхъ и снабженіе оныхъ приличною утварью и священными облаченіями еще менѣе обращено вниманія, за исключеніемъ церквей въ окрестностяхъ Витебска, гдѣ по этой части особенно замѣтна старательность. О приобрѣтеніи Евангелій и Апостоловъ, такъ чтобы можно было служить по Московскому служебнику, и не думали. Попеченіе о возстановленіи богослуженія ограничилось почти однимъ общими предписаніями, чтобы оно отправлялось по правиламъ восточной церкви. Впрочемъ, нѣкоторыя распоряженія объ устройствѣ церквей по Литовской епархіи примѣнены были и къ

епархіи Бѣлорусской, но они здѣсь не опирались на предварительномъ приготовленіи умовъ, и не были сопутствуемы нужными мѣрами исполненія, указываемыми самыми простыми правилами благоразумія, а потому и не принесли тѣхъ плодовъ. Слабость однако же дѣйствій по матеріальному преобразованію Бѣлорусской епархіи еще не столь важна; это упущеніе легко можно исправить; но то весьма важно, что дѣйствія эти весьма мало имѣли вліянія на нравственно-политическое и религіозное убѣжденіе духовенства. За всѣмъ тѣмъ, я вовсе далекъ, чтобы считать положеніе дѣлъ Бѣлорусской епархіи отчаяннымъ. Здѣшніе уніаты не такъ далеко переродились въ римлянъ, какъ литовскіе, и еще болѣе утверждены за восточную церковь благонамѣренными пастырями — митрополитомъ Лисовскимъ и архіепископомъ Красовскимъ“.

Устранивъ нѣсколькихъ вредныхъ людей въ Бѣлорусской епархіи, преосвященный Іосифъ далъ предложенія Бѣлорусской консисторіи устроить въ шестимѣсячный срокъ иконостасы и престолы во всѣхъ церквахъ, съ тѣмъ, чтобы священниковъ, которые не исполняютъ этого, отрѣзать отъ приходовъ, и снабдить церкви богослужебными книгами; а викарію Бѣлорусской епархіи, преосвященному Василию, предложилъ вникнуть болѣе тщательнымъ образомъ въ положеніе дѣлъ епархіи посредствомъ личнаго осмотра церквей или вызова въ Полоцкъ благочинныхъ и другихъ начальствующихъ духовныхъ. Положеніе дѣлъ въ Бѣлорусской епархіи столь озабочивало преосвященнаго Іосифа, что онъ помышлялъ даже вызваться управлять ею, оставляя за собой и епархію Литовскую, если бы митрополитъ далъ ему это порученіе, сохранивъ за собою все получавшееся имъ по этой епархіи содержаніе.

„Задушевною моею мыслию въ это путешествіе“ — говоритъ преосвященный въ своихъ запискахъ — „было двинуть дѣло какъ можно ближе къ воссоединенію указаніемъ на готовность къ сему уніатскаго духовенства. Въ Бѣлорусской епархіи для этого не было у меня достаточныхъ способовъ, но по Литовской дѣло пошло успѣшно. Еще изъ Петербурга сдѣланы мною нѣкоторыя распоряженія, между прочимъ, чтобы къ моему пріѣзду въ Жировицы вызваны были туда всѣ благочинные и другіе начальствующіе духовные. Важнѣйшихъ я самъ убѣждалъ и принималъ подписки о готовности ихъ присоединиться къ православной церкви, отъ прочихъ поручалъ взять таковыя подписки другимъ довѣреннымъ духовнымъ. Такихъ подписокъ взято мною во время этого путешествія по Литовской епархіи 114, по Бѣлорусской только 21“. Въ числѣ духовныхъ, давшихъ эти подписки въ

Литовской епархіи, находились всѣ начальствующія лица по епархіальному и училищному управленію, всѣ учителя семинаріи и духовнаго училища, почти всѣ настоятели монастырей, всѣ благочинные, почти всѣ вице-благочинные, множество духовныхъ депутатовъ и другихъ должностныхъ лицъ,—словомъ, почти всѣ лица, имѣвшія на уніатское духовенство какое-либо официальное или нравственное вліяніе. Уніатское духовенство было уже въ то время довольно склонно присоединиться къ православной церкви; его пугали только распущенные ложные слухи, что священники, принимающіе православіе, будутъ отправляемы въ великороссійскія епархіи, а на ихъ мѣсто стануть присылать коренныхъ Русскихъ. Странно сказать, но такъ было въ дѣйствительности; болѣе всего уніатское духовенство держалось за свое одѣяніе по латинскому покрою и за бритье бороды; въ этомъ отношеніи оно было непреклонно, и потому въ данныхъ подпискахъ постоянно находимъ соотвѣтствующія этому оговорки. Преосвященный смотрѣлъ снисходительно на эти привычки и обнадежилъ, что уніатскіе духовные не будутъ принуждаемы измѣнять свой костюмъ и отращать бороды.

Въ 1837 году состоялись двѣ общія мѣры по греко-уніатскому духовному вѣдомству: 1) запрещено римско-католическимъ священникамъ крестить и записывать въ метрическія книги костеловъ дѣтей, рожденныхъ отъ греко-уніатовъ, и 2) воспрещено рукополагать въ діаконы и священники по греко-уніатскому вѣдомству такихъ лицъ, которыхъ жены исповѣдуютъ римско-католическую вѣру, но симъ послѣднимъ предоставлено присоединяться къ греко-уніатскому исповѣданію. Мѣра эта необходима была потому, что во многихъ семействахъ греко-уніатскаго духовенства существовало смѣшеніе обрядовъ уніатскаго съ латинскимъ: отцы и сыновья исповѣдовали одну, а матери съ дочерьми другую вѣру. Это смѣшеніе происходило не столько отъ того, что кандидаты въ священническую санъ вступали въ бракъ съ дѣвцами римской вѣры, сколько отъ того, что священническія жены и дочери, оставляя свой греко-уніатскій обрядъ, переходили въ римско-католическій, въ то время, когда онъ считался панскою, то-есть, аристократическою вѣрою. Оттого латинскіе ксендзы имѣли весьма удобное средство поселять въ семействахъ греко-уніатскаго духовенства свои мнѣнія и предразсудки, матери же семействъ, напитанныя духомъ папизма, внушали и дѣтямъ свои понятія, такъ что даже сыновья ихъ, предназначенныя для духовнаго званія, учились дома грамотѣ, молитвамъ и катихизису на польскомъ языкѣ и не знали вовсе ни рус-

ской и славянской грамоты, ни молитвъ, читаемыхъ въ восточномъ богослуженіи.

„Въ 1838 году“ — читаемъ въ запискахъ преосвященнаго Іосифа— „случилось происшествіе, долженствовавшее необходимо двинуть уніатское дѣло къ развязкѣ. Въ началѣ сего года скончался митрополитъ Булгакъ на восьмидесятомъ году отъ роду. Я тогда самъ былъ боленъ, и не знаю, кто подаль мысль похоронить тѣло его въ православной церкви Сергіевской пустыни. Этимъ погребеніемъ хотѣли представить покойника православнымъ и благопріятно подѣйствовать на умы. Но едва-ли не послѣдовало противнаго. Всѣ знали покойнаго, какъ твердаго латинина, и погребеніе его въ православной церкви равнодушные приняли какъ фарсъ, ревнители же латинства — какъ вѣрный знакъ готовящагося воссоединенія уніатовъ. Дѣйствительно, съ этого времени возникло по Бѣлорусской епархіи большее противъ прежняго противодѣйствіе уніатскаго духовенства всѣмъ преобразованіямъ, а противодѣйствіе это, какъ извѣстно, возбуждалось и поддерживалось латинскими помѣщиками и ксендзами“.

Сто-одиннадцать уніатскихъ священниковъ подали просьбу о нежеланіи ихъ присоединиться къ православію. Для разузнанія дѣла на мѣстѣ посланъ былъ преосвященный Іосифъ въ Полоцкъ. Здѣсь открылось, что дѣйствительными двигателями этой манифестаціи были не духовныя лица, а польскіе помѣщики, думавшіе этимъ протестомъ остановить воссоединеніе. Они собирались у извѣстнаго уже намъ Бѣлнковича, проживавшаго близъ Полоцка, на лѣвой сторонѣ Двины. На счетъ помѣщиковъ разсылался нарочіе къ сельскимъ священникамъ для приглашенія ихъ подписывать этотъ протестъ. Оказалось, что многіе и не могли подписаться по преклоннымъ лѣтамъ и слѣпотѣ—другіе, потому что не умѣли писать, такъ что много подписей было подложныхъ. Дабы дать почувствовать уніатскому духовенству свою силу и вліяніе, помѣщики лишали не сочувствующихъ имъ духовныхъ выгона скота, рубки лѣса, и мѣшали имъ нанимать служителей и даже работниковъ. Почти вся мѣстная полиція состояла изъ Поляковъ римско-католиковъ и постоянно препятствовала распоряженіямъ уніатскаго епархіальнаго начальства. Такимъ образомъ, дѣйствительная власть была не въ рукахъ правительства, а у пановъ. Вспомнимъ при этомъ неумѣстныя частныя обращенія, поселившія раздраженіе, семилѣтнее управленіе епархіею іезуита Мартусевича, переходъ ея затѣмъ въ распоряженіе фанатическаго латинина Булгака, и тогда положеніе дѣлъ въ Бѣлорусской епархіи станеть яс-

нымъ. Впрочемъ оно вовсе не было столь безвыходнымъ, какъ желали представить Поляки; вся эта бессильная оппозиція прекращена была преосвященнымъ Іосифомъ высылкой изъ епархіи или перемѣщеніемъ на другіе приходы немногихъ священниковъ: двѣнадцать изъ нихъ переведены были въ Литовскую епархію, восемь помѣщены въ уніатскіе монастыри, и только пять человекъ отосланы были въ великороссійскія губерніи.

При раздѣленіи въ 1828 году уніатскаго управленія на двѣ епархіи, къ Бѣлорусской причислены были уніаты Кіевской губерніи, а также Житомирскаго и Овручскаго уѣздовъ губерніи Волынской; во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ было всего 69 церквей ¹⁾. „Этихъ отдаленныхъ уніатовъ“ — пишетъ преосвященный — „начальство Бѣлорусской епархіи оставило совершенно безъ вниманія и приготовленія, до самаго воссоединенія. Тамошнее духовенство оказало рѣшительное неповиновеніе, тѣмъ болѣе тревожившее, что прихожане онаго, принадлежавшіе по большей части къ шляхтѣ, приняли непосредственное участіе въ таковомъ сопротивленіи. Найдено необходимымъ всѣхъ сихъ уніатовъ перечислить къ моей Литовской епархіи, и Богъ помогъ устроить благополучно это дѣло“. Графъ Протасовъ ходатайствовалъ передъ Государемъ о причисленіи упомянутыхъ церквей къ Литовской епархіи преимущественно потому, что „онѣ нуждаются въ твердомъ и вмѣстѣ осторожномъ управленіи Литовскаго епископа Іосифа“.

Послѣ кончины митрополита Булгака, преосвященный Іосифъ назначенъ былъ предсѣдателемъ греко-уніатской коллегіи, въ мартѣ 1838 года.

„Въ этомъ году“ — пишетъ онъ — „особенныхъ мѣръ не было принимаемо; я даже не выѣзжалъ въ епархію. Продолжалось по прежнему устройство церквей, обученіе богослуженію и удостовѣреніе въ личной благонадежности духовенства. Главною теперь было заботою часть отъ часу болѣе усиливавшееся противодѣйствіе съ разныхъ сторонъ уніатскому дѣлу. Латинское духовенство съ помѣщиками дѣлалось смѣлѣе и смѣлѣе: оно вредило навѣтами и внушеніями; оно со-вращало уніатовъ и келейно, и даже устраиваемыми для сего миссіями; оно строило своевольно церкви и часовни, гдѣ надѣялось повредить уніатамъ; оно употребляло въ свою пользу, и часто удачно, отпущенныхъ къ нимъ базилианъ, происходившихъ изъ латинянь. Иногда оно доходило до особенной дерзости; напримѣръ, управлявшій Вилен-

¹⁾ Къ 1839 году оставалось тамъ всего 37 церквей: 24 въ Волынской и 13 въ Кіевской губерніи.

скою епархіей Мнѣцкѣй письменно опубликовалъ выдуманное имъ Высочайшее повелѣніе, якобы совращеннымъ уніатамъ дозволено оставаться въ латинствѣ. Этотъ циркуляръ велѣно было вымарать изъ церковныхъ книгъ; запрещено производить миссіи; запрещено строить латинскія часовни безъ вѣдома уніатскаго духовнаго начальства; принимаемы были при всякомъ случаѣ и другія мѣры. Но многое оставалось безъ дѣйствія, а многое ускользало отъ самаго бдительнаго вниманія, такъ что все же оставалось отъ латинянъ много вредныхъ послѣдствій. Совершенное ихъ обузданіе было невозможно, особенно по нерадѣнію и недоброжелательству мѣстныхъ гражданскихъ чиновниковъ, принадлежавшихъ по большей части къ латинскому исповѣданію; да и на самую переписку не ставало силъ“.

Въ одно время почти съ митрополитомъ Булгакомъ скончался и единомышленный съ нимъ викарный епископъ Иосафатъ Жарскій. „Такимъ образомъ“—замѣчаетъ преосвященный Иосифъ—„само время устранило по уніатской іерархіи два бывшія препятствія дѣлу воссоединенія. Остались одни надежные дѣятели, которымъ суждено было совершить это воссоединеніе, именно: епископы Антоній Зубко, Василій Лужинскій и я, недостойный“.

Броженіе, порожденное польскими помѣщиками между уніатскимъ духовенствомъ въ Бѣлоруссіи, по мысли преосвященнаго Иосифа не только не должно было задерживать, а напротивъ ускорить задуманное имъ дѣло. Онъ писалъ о Бѣлоруссіи: „Я не нахожу никакого повода пріостанавливать предположенное присоединеніе уніатовъ къ православной церкви; напротивъ, считаю, что сія мѣра будетъ рѣшительно содѣйствовать къ окончательному истребленію элементовъ противодѣйствія какъ между польско-католическою партіей, такъ и между уніатами, поелику противодѣйствіе это основывалось на возможности воспрепятствовать благому дѣлу, и должно прекратиться съ потерю надежды на успѣхъ“.

То же самое писалъ графу Протасову викарный Антоній о Литовской епархіи: „Насчетъ греко-уніатской церкви въ Литовской епархіи пріемлю смѣлость доложить вашему сіятельству, что она уподобляется вновь отстроенному зданію, остающемуся безъ крыши, и враждебныя стихіи полонизма и католицизма могутъ помалу разрушить оное, такъ что послѣ и крыша не защититъ зданія отъ непрочности. Я хочу сказать, что по моему мнѣнію нужно, чтобы скорѣе послѣдовала Высочайшая воля о присоединеніи нашей церкви къ греко-россійской, согласно желанію почти всего духовенства. Эту-то волю

я называю крышею. Безъ нея враждебныя стихіи начинаютъ уже напентывать, что присоединеніе къ православію есть измѣненіе вѣры прародительской, что правительство не намѣрено приводить оное въ исполненіе, и что стремленія къ оному духовнаго начальства могутъ быть разрушенными. Теперь нѣкоторые не знаютъ еще, что почти все духовенство желаетъ присоединенія, а нѣкоторые, любящіе возмущенія, притворяются не знающими и внушаютъ, что затѣи о присоединеніи можно разрушить. Обнародованная воля царская все бы это прекратила: колеблющіеся сказали бы — что міру, то и намъ; а возмутители увидѣли бы, что законы о свободѣ вѣроисповѣданія не препятствуютъ общему присоединенію, по желанію почти всѣхъ. Теперь злонамѣренные воюютъ законами о вѣротерпимости. Ежели въ Бѣлорусской епархіи что-либо не достроено, то можетъ быть конченнымъ подъ крышею“.

1-го декабря 1838 года епископъ Іосифъ подалъ записку о необходимости безотлагательно присоединить униатовъ къ православной церкви, на что въ одной его епархіи изъявили уже тогда согласіе 775 священниковъ; „народъ же униатскій“ — писалъ онъ — „за весьма малымъ исключеніемъ таковъ почти нынѣ, каковъ былъ до обращенія его въ унию, и будетъ православнымъ, какъ скоро его пастыри будутъ православны“. Поэтому преосвященный не находилъ никакой нужды требовать формальнаго согласія отъ всѣхъ униатскихъ прихожанъ и совершать надъ ними обрядъ присоединенія, и это потому болѣе, что почти всѣ униаты были въ крѣпостной зависимости отъ польскихъ помѣщиковъ, которые этимъ случаемъ непременно воспользовались бы, чтобы возмущать своихъ крестьянъ. Преосвященный, какъ и прежде, предлагалъ подчинить униатскую коллегію св. синоду, а уже послѣ этого произвести догматическое измѣненіе, то-есть, уничтожить въ символѣ *filioque* и запретить поминать папу въ богослуженіи, — другими словами, сначала сдѣлать соединеніе, какъ онъ называлъ, гражданское, а потомъ уже духовное. Въмѣстѣ съ тѣмъ, онъ просилъ оставить на время униатскимъ духовнымъ ихъ обычаи, то-есть, ихъ платье и бритье бороды.

Графъ Протасовъ передалъ эту записку на разсмотрѣніе митрополитовъ Московскаго и Кіевскаго; въ дѣлахъ сохранились ихъ собственноручныя отзывы: Кіевскаго митрополита, подписанный имъ, а Московскаго безъ подписи, но несомнѣнный для всякаго, кто когда-либо видалъ его почеркъ. Оба митрополита раздѣляли мнѣніе преосвященнаго Іосифа, что не слѣдуетъ болѣе медлить окончаніемъ этого дѣла;

оба соглашались на оставленіе уніатскому духовенству на время вкоренившихся въ немъ привычекъ. Но мнѣніе Московскаго митрополита Филарета существенно различествовало съ мыслию преосвященнаго Іосифа въ томъ, что онъ, какъ это ясно видно, не допускалъ соединенія гражданскаго, и не понималъ возможности инаго, какъ вполнѣ духовнаго, прямо и ясно выраженнаго. „Греко-уніатскіе епископы“ — писалъ, онъ — „со старшимъ духовенствомъ своимъ, составляютъ церковный соборный актъ, въ которомъ, по изложеніи причинъ, заключать, что они, по зрѣломъ разсужденіи, призвавъ въ помощь благодать Божию, полагаютъ: признать вновь свое первоначальное единство съ восточно-каѳолическою православною церковью, отъ котораго въ бѣдственные времена отторгнуты были отторженіемъ политическимъ, отъ котораго удаляемы были постороннимъ вліяніемъ, и къ которому возвратиться имѣютъ нынѣ полную свободу; пребывать отнынѣ, какъ издревле, въ единомысліи вѣры съ православными восточными патріархами, и въ послушаніи св. правительствующему всероссійскому синоду“. За симъ митрополитъ Филаретъ указалъ и всѣ подробности въ совершеніи и объявленіи присоединенія, и всѣ его мысли были въ послѣдствіи приняты св. синодомъ.

Преосвященный Іосифъ отправился въ Полоцкъ, куда прибылъ и викарій его, и тамъ 12-го февраля, въ недѣлю православія, состоялось соборное постановленіе о воссоединеніи уніатской церкви съ православною, прошеніе о томъ епископовъ, и актъ, подписанный двадцатью четырьмя начальствующими духовными лицами. Въ этотъ день преосвященный служилъ торжественно въ Полоцкомъ Софійскомъ каѳедральномъ соборѣ, и во время служенія, вмѣсто папы, поминалъ всѣхъ православныхъ патріарховъ, митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ. Изъ уніатскаго духовенства объявили готовность свою присоединиться къ православной церкви: въ Литовской епархіи 938, а въ Бѣлорусской 367 человекъ.

Св. синодъ составилъ постановленіе о принятіи прошеній уніатскаго духовенства и о воссоединеніи уніатской церкви съ православною, и 25-го марта послѣдовало на немъ резолюція Государя: „Благодарю Бога и принимаю“. Вмѣстѣ съ тѣмъ св. синодъ предоставилъ воссоединенному духовенству просимыя облегченія имъ въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ обычаяхъ.

Вмѣстѣ съ просьбами о воссоединеніи, преосвященный Іосифъ представилъ Государю и слѣдующее личное свое прошеніе: „По Высочайшей волѣ Вашего Императорскаго Величества удостоился я быть

однимъ изъ орудій насительнаго дѣла, нынѣ къ окончанію благополучно приводящагося. Судя по обстоятельствамъ, участіе мое въ семъ дѣлѣ окажется вскорѣ бесполезнымъ, а можетъ, даже и вреднымъ, и затѣмъ пребываніе мое въ западныхъ губерніяхъ будетъ для меня весьма тягостнымъ. Съ другой стороны, чуждое воспитаніе, привычки, изъ дѣтства вкоренившіяся, слабое знаніе русскаго языка дѣлають меня мало способнымъ занять соотвѣтственное моему сану мѣсто среди кореннаго православнаго греко-россійскаго духовенства, такъ что служеніе мое на семъ поприщѣ было бы, по всей вѣроятности, поводомъ соблазна для многихъ, а для меня—бесполезныхъ непріятностей. Отеческому сердцу Вашему, Всемилостивѣйшій Государь, весьма понятно, что одна минута слабости, въ которую могъ бы я сожалѣть объ участіи въ священномъ дѣлѣ, бывшемъ до сихъ поръ единственною цѣлю моихъ дѣйствій и помышленій, отравила бы счастье всей остальной моей жизни. Для предупрежденія сего, осмѣливаюсь нынѣ же принасть къ стопамъ и прибѣгнуть къ милости и великодушію Вашего Величества, чтобы по минованіи во мнѣ надобности на нынѣшнемъ поприщѣ моего служенія, могъ я прожить остатокъ дней моихъ частно, по моему избранію, но не въ монастырѣ“.

Приводя это прошеніе въ своихъ запискахъ, преосвященный прибавляетъ: „Государь будто сказалъ графу Протасову на эту просьбу: *не понимаю*; а мнѣ казалась она очень понятною. Двѣнадцать лѣтъ такой удручающей работы, какой я подвергался, двѣнадцать лѣтъ такихъ безпокойствъ и тяжкой отвѣтственности утомить хотя бы кого. Я же ничего не добивался. Идеаломъ счастья, который мнѣ единственно представлялся, было имѣть домикъ съ садикомъ, да комнату съ книгами. Притомъ же, испытавъ до того столько затрудненій и недоброжелательства, я не могъ не видѣть того же и въ будущности. Особенно меня пугало нерасположеніе съ той стороны, откуда бы мнѣ ожидать благодарности, именно со стороны православныхъ. Естественно, что мнѣ хотѣлось избѣжать этой будущности, послѣ двухъ-трехъ лѣтъ служенія, еще тогда необходимаго“.

По случаю волненія, намѣренно возбужденнаго между уніатскимъ духовенствомъ Бѣлоруссіи польскими помѣщиками и ксендзами, и раздраженія, произведеннаго, по мѣткому выраженію преосвященнаго Юсифа, *Витебскими воителями*, предположено было объявить о воссоединеніи уніатовъ не общимъ указомъ, а чрезъ благочинныхъ наиболѣе благонадежнымъ священникамъ. Но преосвященный Василій, зная близко мѣстныя обстоятельства, нашелъ излишнимъ эту предосторож-

ность, и по окончаніи совершеннаго имъ въ Полоцкомъ кафедральномъ соборѣ богослуженія, велѣлъ секретарю консисторіи прочесть громко и отчетливо указъ св. синода, и затѣмъ отслужилъ молебенъ съ провозглашеніемъ многолѣтія св. синоду. Вскорѣ послѣ этого онъ служилъ въ Витебскѣ соборно съ Кіевскимъ митрополитомъ Филаретомъ, проѣзжавшимъ изъ Петербурга въ Кіевъ чрезъ Витебскъ, и съ преосвященнымъ Исидоромъ; затѣмъ совершены имъ были также соборныя служенія въ Велижѣ и около Орши, и всякій разъ при огромномъ стеченіи народа.

Съ своей стороны, преосвященный Іосифъ отправился въ свою Литовскую епархію. Въ началѣ іюня онъ писалъ графу Протасову: „Наконецъ исполнилось желаніе сердца моего: вчерашнее воскресеніе я удостоился служить въ древле-православномъ Полоцкомъ кафедральномъ соборѣ святителя и чудотворца Николая. Служеніе было соборное съ преосвященными Исидоромъ и Василиемъ. Стеченіе народа было такъ многочисленно, что огромный соборъ былъ полонъ, въ полномъ смыслѣ этого слова. Не смотря на это, тишина и совершенное приличіе соблюдены во все время служенія, и благоговѣніе господствовало, повидимому, во всѣхъ сердцахъ; даже лицъ пасмурныхъ не было замѣтно, хотя здѣсь находилось множество людей высшаго и низшаго состоянія, принадлежащихъ къ римской церкви. Всевышній видимо благословляетъ доброе дѣло! Нигдѣ не слышно никакого противодѣйствія или безпокойства; народъ покоренъ; нѣкоторое число бывшихъ еще подъ сомнѣніемъ священниковъ Бѣлорусской епархіи удостовѣряетъ постепенно о своей благонадежности; сближеніе между древле-православнымъ и воссоединеннымъ духовенствами часть отъ часу замѣтнѣе, и взаимная довѣренность водворяется; враждебныя помѣщики и римскіе духовные, лишившись уже надежды воспрепятствовать благому дѣлу, оставляютъ, повидимому, прежніе происки. Служеніе было истинно прекрасно и назидательно. Я не могу нахвалиться хорошимъ расположеніемъ древле-православнаго здѣшняго духовенства и достойнаго его пастыря, преосвященнаго Исидора. Относительно общаго положенія здѣшнихъ дѣлъ скажу, что оно вполне отразилось въ Витебскомъ и Полоцкомъ служеніи. Теперь ясно, сколь ложны и преувеличены слухи враждебной партіи насчетъ здѣшнихъ обстоятельствъ. Духъ здѣшнихъ помѣщиковъ, или по крайней мѣрѣ, ихъ преднамѣренія, повидимому, измѣнились противу прежняго. Они злы на Бѣликовича. «Этотъ молокососъ» — говорятъ они — «вовлекъ насъ въ глупости; мы повѣрили ему, послушались его, старались во-

препятствовать дѣлу, а вотъ оно и безъ насъ сдѣлано, а мы только навлекли на себя нерасположеніе правительства». Этотъ урокъ будетъ имъ, кажется, полезенъ и не въ одномъ церковномъ отношеніи. Повидимому, самъ Богъ благословилъ великое помышленіе Всеавгустѣйшаго нашего Монарха; благословеніе это особенно ясно по Вѣлоруссіи, по бывшей запутанности здѣшнихъ обстоятельствъ“.

Изъ Полоцка преосвященный Іосифъ отправился въ Минскъ. Оттуда онъ писалъ: „Богъ благословилъ и въ Минскѣ совокупное служеніе древле-православнаго и воссоединеннаго духовенства; оно совершилось въ нынѣшнее воскресенье въ здѣшнемъ кафедральномъ соборѣ. Перводѣйствующимъ былъ архіепископъ Никаноръ, я же принималъ потиръ и причащалъ отъ чаши. Стеченіе народа, при благопріятствовавшей погодѣ и случившейся ярмаркѣ, было необыкновенно, и слава Богу, лицъ пасмурныхъ не было замѣтно, хотя въ церкви находилось множество римлянъ!“

Настоящее торжество православія было въ самомъ центрѣ латинства западнаго края, въ ополяченной Вильнѣ. Здѣсь именно положено было совершить торжественно посвященіе во епископа Пинскаго, викарія Литовской епархіи, протоіерея Михаила Голубовича. Изъ Вильны преосвященный писалъ графу Протасову: „Мы прибыли благополучно въ Вильно 1-го сентября вечеромъ около восьми часовъ, при колокольномъ звонѣ въ православныхъ церквахъ, и при стеченіи народа, отчасти усердствующаго, а отчасти любопытствующаго. На другой день посѣтили мы, вмѣстѣ съ преосвященными Исидоромъ и Антоніемъ православныя церкви. Вчера, въ воскресенье, мы всѣ три архіерея служили соборно въ церкви Троицкаго воссоединеннаго монастыря. Это былъ день истинно торжественный: прекраснѣйшая погода оному благопріятствовала, стеченіе народа было необыкновенное, церковь была полна, и внѣ оной народъ толпился до самаго окончанія служенія. Разумѣется, здѣсь была бѣлая часть народонаселенія римскаго, но за всѣмъ тѣмъ, повидимому, масса усердствующая превышала массу любопытствующую. При выходѣ изъ церкви народъ двинулся къ намъ подъ благословеніе, такъ что мы нелегко пробрались къ дверямъ. Посвященіе епископа совершено по предположенію въ соборной церкви Свято-Духова древле-православнаго монастыря. Я съ удовольствіемъ замѣтилъ, что воссоединенное духовенство не только не затруднялось прибыть въ Вильну, но даже съ самодовольствіемъ и благородною гордостію старалось показать себя въ сей столицѣ римскаго католицизма и въ церкви древле-православной. Огром-

ная Свято-Духовская церковь была полна въ полномъ смыслѣ этого слова, и по большей части вышею публикой; это показывается, по крайней мѣрѣ, что римляне вовсе не столько чуждаются православію, какъ можно бы судить по духу римскаго духовенства и по понятію, которое имѣютъ о Вильнѣ. При выходѣ изъ церкви, подъ благословеніе подходили къ намъ безъ различія православныя и римляне. Все пребываніе наше въ Вильнѣ было, если такъ можно сказать, торжествомъ православной церкви. Духовенство римское перенесло этотъ ударъ въ безсильномъ безмолвіи. Сколько мнѣ удалось узнать и сообщить, а также по словамъ князя Долгорукова, Виленская публика, внимавшая до сего по большей части мнѣніямъ римскаго духовенства, раздѣлилась послѣ настоящаго событія на разныя партіи, изъ коихъ бѣльшая часть смотритъ благопріятнѣйшимъ противу прежняго образомъ на православіе. Я долго думалъ, не сказать ли при настѣящемъ важномъ случаѣ соотвѣтственную проповѣдь; но наконецъ убѣдился, что партіи мало еще приготовлены, и сказанное было бы, вѣроятно, оскорбительно для которой-либо изъ нихъ, а здѣсь всего болѣе надобно стараться, чтобъ утишить раздраженіе. Подождемъ; между тѣмъ, кажется, всѣ событія въ Вильнѣ были живою для всѣхъ проповѣдью“.

Окончивъ обзоръ епархій, преосвященный сообщалъ въ концѣ сентября, что онъ получилъ уже формальныя донесенія отъ всѣхъ благочинныхъ, что во всѣхъ подвѣдомственныхъ имъ церквахъ поминается святѣйшій синодъ вмѣсто папы, а изъ сѣмвола вѣры исключается и *Сына*, что въ теченіе уже шести мѣсяцевъ послѣ воссоединенія униатовъ, по приходамъ Литовской епархій не случилось ни малѣйшаго противодѣйствія; что бывшія совокупныя служенія съ древле-православнымъ духовенствомъ нигдѣ не сдѣлали вреднаго впечатлѣнія, и что дѣло воссоединенія должно уже считать не только совершившимся, но и утвердившимся.

Послѣ объявленія о воссоединеніи уни, многіе изъ духовныхъ, не давшихъ предварительныхъ подписокъ, присоединились къ православной церкви; отъ нѣкоторыхъ престарѣлыхъ или безмѣстныхъ, находившихся въ мѣстностяхъ, гдѣ вовсе не было униатовъ, и не спрашивалось отзвѣта; немногіе, не пожелавшіе покинуть унию, оставлены были въ покоѣ доживать свой вѣкъ, а вредныя, коихъ было весьма мало, посланы въ нарочно устроенную въ Курскѣ обитель на 20 человекъ; но вскорѣ эта временная обитель оказалась излишнюю и была закрыта.

Такимъ образомъ мирно осуществилась давнишняя мысль Императора Николая: полтора милліона отчужденнаго народа приобрѣтены

вновь Россіи, ибо въ западномъ краѣ Русскими считаютъ себя только православные, такъ уже сложилась тамъ исторія. Народъ этотъ никогда не понималъ и не былъ въ состояніи понять догматическихъ различій между обѣими церквами, а потому и не могъ стоять ни за главенство папы, ни за другія искаженія догматовъ вселенской церкви, сдѣланныя въ продолженіе вѣковъ римскими папами; онъ стоялъ за свои восточные обряды, не легко уступалъ всякимъ дѣлаемымъ въ нихъ измѣненіямъ, и даже когда съ теченіемъ времени свыкъся уже съ ними, безъ особыхъ затрудненій началъ опять возвращаться къ прародительскому богослуженію, когда стали его возстановлять. Объявленіе о воссоединеніи уніи съ православною церковью не произвело нигдѣ ни малѣйшаго неудовольствія; ни въ одномъ пунктѣ обширной мѣстности западнаго края не было какого-либо движенія или непріязненной манифестаціи; естественно, это не могло бы такъ быть, если бы народъ дѣйствительно имѣлъ папистскія вѣрованія и убѣжденія. Нѣкоторыя отдѣльныя, ничтожныя вспышки въ Бѣлоруссіи, еще до воссоединенія уніи, были произведены, можно сказать, самими мѣстными властями, ихъ неумѣнъемъ, поспѣшностію и излишнею ретивостію; по эти частныя прискорбныя эпизоды нисколько не нарушаютъ величественной стройности общаго историческаго событія. Все высшее образованное уніатское духовенство было православнымъ по убѣжденію и влияло на остальное. Несомнѣнно, что епархіальное начальство убѣждало приходскихъ священниковъ, изъ которыхъ не всѣ были расположены къ православію; но самый результатъ этихъ убѣжденій, выразившійся въ огромномъ числѣ подписокъ о готовности принять православіе, доказываетъ, что духовенство не слишкомъ держалось уніи; иначе это не могло бы быть такъ, и доказательствомъ тому служить рѣшимость духовенства сохранить нѣкоторые несвойственные восточному обряду обычаи,—здѣсь убѣжденія епархіальнаго начальства остались безсильными: точно то же было бы и относительно другихъ болѣе существенныхъ принадлежностей уніи, если бы дѣйствительно духовенство стояло за нихъ столь же настойчиво, какъ за свой костюмъ, за свою внѣшность. Итакъ, большинство духовенства и народа не были чужды православной церкви; оттого-то и могло совершиться мирно воссоединеніе съ нею уніи.

Преосвященный Іосифъ олицетворяетъ въ себѣ это событіе: онъ его началъ, продолжалъ, не смотря на всевозможныя затрудненія, наконецъ совершилъ и потомъ утвердилъ всею своею жизнію, всецѣло проникнутою одною русскою православною идеей. Вся жизнь

его была борьбою за эту идею, борьбою, гдѣ, по его выраженію, „не знаешь часто, больше ли отъ своихъ, пли отъ чужихъ должно защищаться“. Всю жизнь свою онъ простоялъ на стражѣ русскихъ интересовъ въ краѣ, гдѣ столько непріязненныхъ намъ элементовъ, никогда не измѣнялъ своимъ убѣжденіямъ, никогда не уступалъ и никогда и ничего не боялся. За послѣднее столѣтіе нѣтъ, по моему мнѣнію, въ западномъ краѣ болѣе выдающейся личности, болѣе русскаго государственнаго человѣка, какъ митрополитъ Іосифъ, и я убѣжденъ, что многіе раздѣляютъ со мною этотъ взглядъ, когда будутъ изданы исполнѣ его записки, и всѣ дѣйствія его сдѣлаются общезвѣстными. Въ ожиданіи этого, надѣюсь, читатели не посятуютъ на меня за слишкомъ многочисленныя выписки изъ этихъ записокъ. Мнѣ хотѣлось бы дополнить ихъ очеркомъ этого замѣчательнаго характера, сдѣланнымъ самимъ покойнымъ митрополитомъ.

„Довольно уже было говорено о моей настойчивости. Разумѣется, она происходитъ отъ твердости характера. Но въ этомъ характерѣ было и упрямство, и податливость, было и хладнокровіе, и воспріимчивость. Когда у меня зараждалась мысль или намѣреніе, я его обдумывалъ съ самою мучительною заботливостію, долго, во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ; то шель мыслью впередъ, то обращался вспять. Но когда уже на что рѣшался, я исполнялъ предпринятое неуклонно, хладнокровно. Хладнокровіе и твердость относительно собственной безопасности доходили во мнѣ до совершенной беззаботности и невнимательности. Мнѣ не разъ случалось слышать удивленіе, что я рѣшался на разѣзды, а между тѣмъ меня никогда не смущали ни боязнь, ни опасенія. Я разѣзжалъ всюду, являлся всюду и между всѣми, безъ всякихъ предосторожностей безъ всякихъ сомнительныхъ мыслей. При извѣстныхъ политическихъ обстоятельствахъ, были предостереженія, что Русскихъ въ Вильнѣ перерѣжутъ во время праздничнаго богослуженія; я и не подумалъ отмѣнить оное. При освященіи мною въ Вильнѣ кафедральнаго собора былъ доносъ, будто подъ него подложенъ порохъ. Нельзя было увѣриться въ противномъ за накопленіемъ въ подвалахъ огромнаго количества мусора. На жандармскомъ генералѣ и нѣкоторыхъ другихъ, знавшихъ о доносѣ, при входѣ въ церковь лица не было видно. Я же былъ совершенно хладнокровенъ и совершилъ богослуженіе, какъ бы ни о чемъ не зналъ. Достоинно замѣчанія, что при всемъ недоброжелательствѣ ко мнѣ мѣстныхъ инновѣрцевъ, я въ теченіе тридцати лѣтъ не испыталъ отъ нихъ никакого личнаго оскорбленія. Богъ видимо хранилъ меня. Но и я

поступалъ въ отношеніи иновѣрцевъ безобидно, справедливо, стоялъ только твердо за свое. Мою какъ-бы беззаботную твердость иные называли фанатизмомъ, а между тѣмъ она происходила отъ глубокаго убѣжденія въ правотѣ дѣла, отъ всецѣлаго посвященія себя довершенію онаго, отъ твердаго упованія на помощь Всевышняго, отъ полной преданности волѣ Провидѣнія. Когда мнѣ случалось слышать намеки о возможной опасности моей жизни: „Боже мой, говорилъ я не разъ, неужели вы не понимаете, что запечатлѣть кровію доброе, святое дѣло было бы для меня самымъ большимъ счастьемъ?“ Вспоминая еще разъ о посвященіи Николаевского собора въ Вильнѣ, а также Пожайской церкви, обращенныхъ изъ латинскихъ костеловъ, преосвященный пишетъ: „Напали не на труса: я имъ сказалъ два первыхъ мои слова на русскомъ языкѣ. Первое изъ нихъ въ особенности надѣлало много шума. Я его набросалъ карандашемъ на досугѣ, а слѣдовательно, съ зрѣлымъ размышленіемъ, въ путешествіи изъ Гродна въ Вильно. Самый фактъ освященія такихъ церквей былъ для латинянъ ненавистенъ. Я рѣшился при этомъ случаѣ за одинъ разъ высказать имъ всю правду. Въ быстромъ и мѣткомъ очеркѣ указалъ на историческіе факты и догматическія положенія, и доказалъ, что правы не они, а мы, что хозяева въ Вильнѣ не они, а мы, сталъ твердою здѣсь ногою, и заставилъ смѣло смотрѣть въ глаза римлянамъ всѣхъ возсоединенныхъ. Объ этомъ словѣ много было толковъ. Многіе осуждали въ угодность римлянамъ; но другіе отдавали ему полную справедливость. Фельдмаршалъ князь Варшавскій мѣтко сказалъ мнѣ о немъ: „Вы только одни могли его написать, вы только могли его и сказать“.

„На мнѣ тяготятъ“ — пишетъ преосвященный въ другомъ мѣстѣ — „не только партіи, но и лица правительственныя, которыя, не понимая нашихъ дѣлъ, часто порицаютъ то, что должно бы похвалить, и хвалятъ, что слѣдовало бы осуждать“. Разъ, бывши въ Вильнѣ, покойный Государь спросилъ у преосвященнаго о здоровьѣ. „Не совсѣмъ здоровъ“, — отвѣчалъ онъ, — „чувствую какъ-то ослабѣвшія силы; да и не удивляйтесь, Ваше Величество: вѣдь я болѣе тридцати лѣтъ стою подъ выстрѣлами и чужихъ, и своихъ“.

Нѣкоторые, желая умалить значеніе митрополита Іосифа, утверждаютъ, что онъ былъ не болѣе какъ продолжателемъ дѣла митрополита Лисовскаго и архіепископа Красовскаго: это несправедливо. Дѣйствительно, Лисовскій и Красовскій, какъ и Іосифъ, были русскіе люди, враги полонизма, употребившіе много усилій на очищеніе уни отъ

латинства. Но ни тотъ, ни другой и не помышляли о воссоединеніи униі съ православною церковью и не заявляли о томъ ни малѣйшимъ намекомъ; они хотѣли привести униатскую церковь въ то положеніе, въ которомъ она была при учрежденіи униі, и въ коемъ обманчиво клялись сохранить ее папы, — но не болѣе. Митрополитъ же Іосифъ и не думалъ этимъ довольствоваться: десять лѣтъ до воссоединенія униі онъ былъ ужь искренно православнымъ и велъ къ той же цѣли своихъ единовѣрцевъ. Не смотря на всю важность богослужебной обрядности, онъ не переставалъ смотрѣть на нее, какъ на предметъ второстепенный въ сравненіи съ догматами, и стремился не къ одному очищенію обрядности въ униатской церкви, но преимущественно къ возстановленію догматовъ вселенской церкви, изуродованныхъ папскими нововведеніями: не „кафтаны“, по выраженію покойнаго Государя, хотѣлъ онъ перемѣнить, а самага человѣка, который носилъ этотъ кафтанъ. Исторія несомнѣнно подтвердитъ, какъ уже было сказано выше, что творцемъ этого дѣла былъ никто другой, какъ Императоръ Николай черезъ посредство митрополита Іосифа: Іосифъ его началъ, онъ же его и кончилъ.

Пригадывается будущій историкъ: какъ, въ самомъ дѣлѣ, одинъ неизвѣстный, бѣдный униатскій священникъ въ десять лѣтъ уничтожилъ то, что создавали въ продолженіе столѣтій могущественныя папы и еще, быть можетъ, болѣе ихъ могущественный іезуитскій орденъ, столько польскихъ королей, вся польская аристократія, весь неизмѣримый фанатизмъ польскихъ ксендзовъ? И въ какое время? Когда, не смотря на принадлежность западнаго края къ Россіи, польскіе помѣщики владѣли униатами на правѣ частной собственности, когда въ западномъ краѣ господствовала такъ-называемая польская интеллигенція, когда латинская вѣра не перестала еще быть тамъ „панскою“, когда латинское духовенство продолжало въ немъ владычествовать, пользуясь огромными имѣніями, и когда почти все чиновничество, то-есть, мѣстная исполнительная власть, была латино-польская! Могъ ли всѣ эти соединенныя силы сокрушить одинъ человѣкъ, Луцкій униатскій капоникъ, хоть и поддерживаемый могущественнымъ императоромъ? Припомнимъ и мѣстныя административныя ошибки, и колебанія, а иногда и бездѣйствіе высшаго правительства, недостатокъ системы и послѣдовательности, отсутствіе сосредоточивающей исполнительной власти.

Нѣтъ!... Міровыя событія не совершаются однимъ человѣкомъ; разгадку ихъ нужно искать въ глубинѣ прошедшаго, въ разнообразныхъ требованіяхъ настоящаго, въ томъ предопредѣленіи, которое

выпало на долю народа, совершающаго свое призваніе. Унія навязана была русскому народу насиліемъ и обманомъ. Два вѣка могли бы заставить забыть и это насиліе, и этотъ обманъ, — таково обыкновенное дѣйствіе продолжительности времени, — еслибъ они не возобновлялись и не давали себя чувствовать постоянно. Останься унія при одномъ признаніи папства, какъ это было положено въ началѣ, — и народъ, и духовенство могли бы свыкнуться съ этимъ измышленнымъ догматомъ. Но къ унії былъ примѣшанъ элементъ политической: легко было заставить православныхъ признавать чуждаго для нихъ папу; нужно было, по системѣ латино-польской, обратить русскихъ людей въ Поляковъ, православные обряды замѣнить латинскими, однимъ словомъ, выдѣлать изъ унії римское католичество, а изъ русскихъ уніатовъ польскихъ латинянъ. Это-то послѣдовательное насиліе, этотъ непрестающій обманъ, обращенные въ систему, и произвели людей убѣжденных, каковъ былъ митрополитъ Іосифъ и вѣкоторые другіе, которые вспомнили о своемъ русскомъ происхожденіи и о гоненіи, претерпѣваемомъ за то и ими, и ихъ предками: они не захотѣли быть ни Поляками, ни латинянами, и возвратили унію въ православіе. Вникнувъ въ это событіе поглубже, всмотрѣвшись въ него съ извѣстной исторической высоты, не придемъ ли къ убѣжденію, что главными виновниками воссоединенія уніатовъ съ православною церковью были именно тѣ же люди, которые за два вѣка передъ тѣмъ отторгли ихъ отъ нея, начиная съ папъ и кончая панамъ и ксендзами? Религіозно-политическій фанатизмъ ихъ положилъ основаніе уніатскому зданію, онъ же его и разрушилъ.

